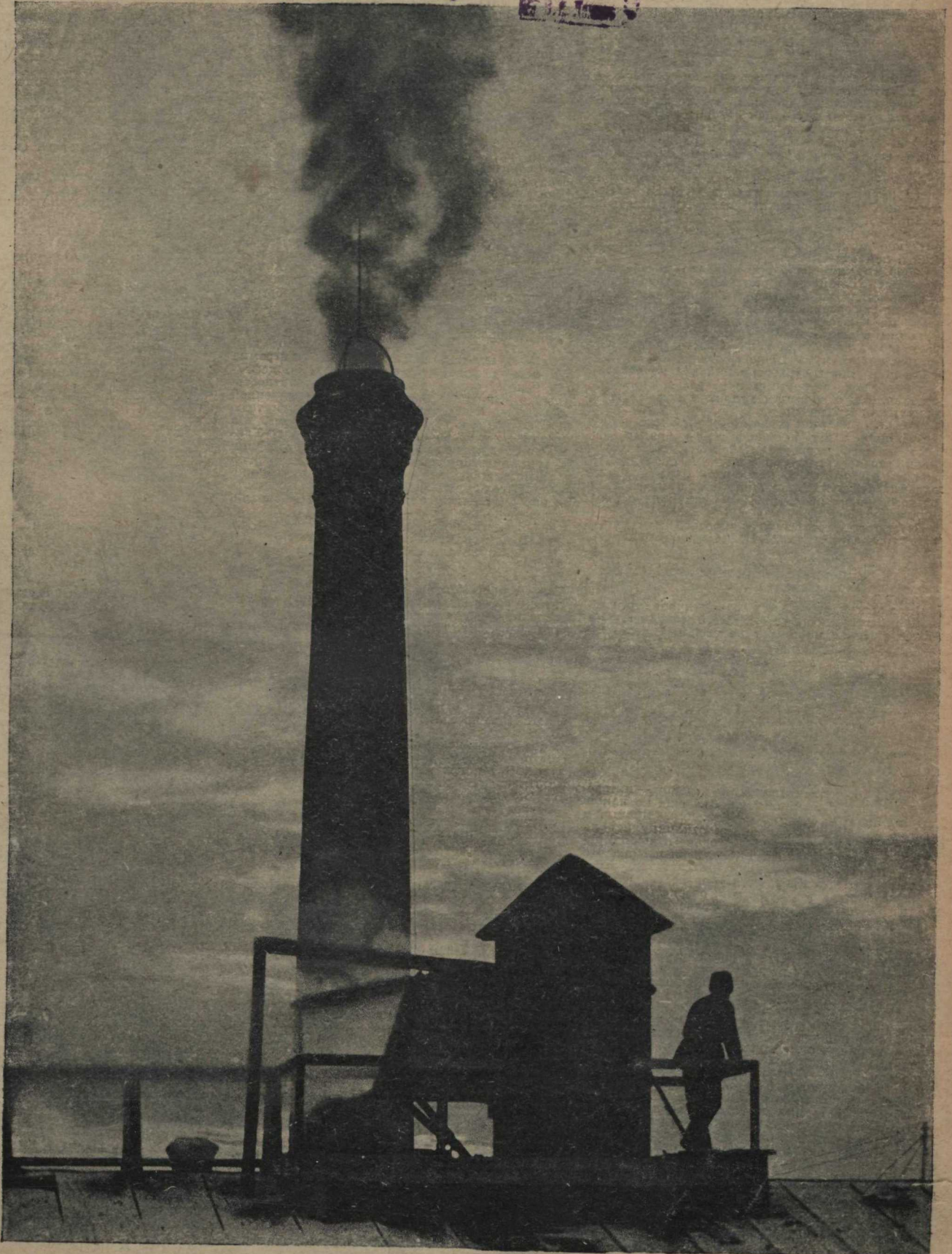

XV 101
T

СМЕНА

ЦЕНА 10 КОП.

2

1929

АЯ ГВАРДИЯ"

СТИХОТВОРЧЕСТВО

Под редакцией В. ПЯСТА

ПЕРВЫЙ КОНКУРС СУДЕЙ

РЕДАКТОР обещал мотивировку своего мнения. Вот она:

Почему так высоко поставлено «Агит-буримэ», и думаю, комментарий не требуется. Обращаю только внимание читателей на редкий даже у технически-законченных поэтов прием перемены ритма в середине стихотворения. Автором это сделано очень ловко; стихотворение вполне цельно по смыслу с первой строки до последней; несмотря на ритмический переход, или благодаря ему, оно звучит художественно-цельно и в звуковом отношении. Не говорю о значительности темы!

Главную трудность таких буримэ служат необычные слова. В данном случае — «окрыситься» и «мумия». Тот, кто ввел первое из них не насыщенный образом, а естественно, с полным отчетом в его как говорится «внутренней форме», то-есть так, чтобы оно прозвучало не иначе, чем в разговорной речи, и в то же время не вызвало неподходящих в поэзии «ассоциаций» (схожих представлений), — тот сделал половину дела. В первой части буримэ это слово должно было быть «гвоздем», к нему должны были прицепляться остальные слова.

Лишь очень немногие справились удовлетворительно с этой задачей и вообще отделили себя в ней отчужденно.

Слово «мумия» наоборот вызвало к себе может быть слишком пристальное внимание у большинства конкурентов. Вследствие этого, они кое-как расправились с более обыкновенным, но как оказалось более трудным, рифмуемым с ним словом — «остроумия». Некоторые его употребили даже просто в смысле «острословия», чуть ли не «ругани».

Впрочем таких стихотворений мы не печатаем: проблему «остроумия» и ее разрешение мы поставили необходимым условием возможности конкурировать на приз.

«Карабах, золотая гора» принадлежит к числу разрешивших эту проблему хуже других. Но зато пейзаж, нарисованный этим стихотворением, можно сказать поэтичен. А последнее — важнее всего; только недостаток в разрешении задачи «остроумия» заставил нас воздержаться от того, чтобы поставить это буримэ на первое или второе место.

Измывительно разрешен «вопрос об остроумии» в стихотворении под № III («Конкурс буримэ»).

... Турист-поэт
Изрек: «Без остроумия
Твой снеговой привет!»

С этим стихотворением соперничает чрезвычайно остроумное буримэ «Моей семейке». На более высокое место мы не ставим последнее

лишь так сказать по «этическим» мотивам... Больно уж много в нем «злословия».

В буримэ «Смейся, юность» при цельности картины плохо разрешен вопрос со словом «остроумия». В стихотворении «Безаимскому» — не совсем благополучно со словом «окрыситься». В остальном оно прекрасно; но дефект (недостаток) слишком важен, чтобы буримэ могло претендовать на самые высшие места.

К числу лучших относятся и «Родные места» — со слишком искусственным введением «окрыситься»; выражение «Наш Шура окрысится» («суждение») никак не может быть «кликчей». Остроумно стихотворение «Ворон», к которому мы приложили и «второй вариант», начинавшийся так:

Змий зеленый высится,
Как Казбек-гора.
На него окрысится
Нам давно пора...

и т. д., как в «первом варианте»; однако, как ни остроумны оба варианта, с самим словом «остроумия» в них пренеблаготолучно.

Остальные девять стихотворений уже хуже. Например «Там разберут» содержит весьма сомнительное «душе окрыситься пора»; неудачно «окрыситься» и в «Спать пора»; не понял задания «Левой»; он, по примеру «Новых Лифов» разбил строчки; пришлось, в виду того, что «концы» в буримэ задаются, соединить разорванные строчки воедино, — и получилось отсутствие размера. Не будь этого, мы бы поставили это стихотворение гораздо выше! Недурен и «Бюрократ». Только надо бы было, чтобы «окрыситься» было введено в качестве ему, «бюрократу», собственного действия, — а не так, как у автора. Эпиграмма («Пионер») кончает ряд остроумных, но дефектных произведений: дефект его — непонятность.

Ослабе «Эй, РКП, пора», в виду бессмысленной «концовки». Бесцветно «Чем чорт не шутит». Ни к селу, ни к городу конец в «Еловом». На последнее же место ставим мы «С. Мюлер-Монтов» по следующим причинам: 1) стихотворений на эту тему присланы десятки; 2) в первой части по смыслу оно чуть не прямо противоположно «Агит-буримэ». Вторую же его часть мы наоборот считаем в своем роде образцовой:

Все, что весел, что жив, а не мумия,
В ком сидит хоть немножко поэт, —
Все прислал на бой остроумия
Буримэ и сердечный привет.

Тов. Мюлер-Монтов, чье четверостишие мы считаем образцовым, думаем, не посетует на отведенное ему нами (отнюдь не «судьями») место. Факт, что и последнее по нашему мне-

нию буримэ в некоторых отношениях хорошо показывает, что конкурс в общем удался.

Орок присылали конкурсных боллетей комитела. После подсчета и проверки «справ» будут объявлены имена победителей. Желательно знать мнение читателей — включать ли голос редактора в суммированный список?

К КОНКУРСУ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К. Соловьев из Беднодемьяновки продолжает «тамоблачения» напечатанных рифм. «Атаман — туман» находится в поэме Петра Орешина «Окровавленный май»:

Собирался под туман
Народ.
Не Степан ли атаман
Плывет?

(«Известия ЦИК». 1927 г. № 95 (3032))

Нам представляется весьма вероятным, что эту рифму пользовались и ранее 1927 года. Не вспомнит ли кто из читателей — какой поэт, когда и где?

«Рифма Н. Федорова», — пишет К. Соловьев, — «ножа — дрожал» (не лучше ли: «нажат»? — РЕД.) тоже малооригинальна, так как в стихотворении Н. Владимировского «Точильщик» те же слова рифмуют между собой лишь с другой ударной гласной, чем у Федорова (т.-е. в других падежах и числах):

Люблю смотреть, как фартук белый,
Надувшись, по ветру дрожит,
И как точильщик заторель
Поет «кому точить нож?»

(«Всеобщий отрывной календарь» издания ГИЗ, 28 октября 1926 г.).

Далее К. Соловьев указывает на стихотворение «Орлам Украины» В. Князева из «Песен Красного Звонара», в котором помещена рифма «цель — мятель» из серии Груничева «Цель — митральезы... Нам кажется, что и ранее Князева пользовались этой рифмой. Кто и когда? — спрашиваем читателей.

По техническому недосмотру допущены опечатки в некоторых из конкурсных рифм. В № 22: «Ворон — вор он» (над «вор он»); «мосолили» (над «насолили» — рифма к «Муссолини»); «обмерка» (над «обмерь-ка» — отличная рифма к «Америка»); «перелеска — перелезках» (над «перелез, как — перелезках»); «завируха — порухать» (над «пар, ухай!»); «мглу — прут» (над «плут»); «кроль я — кровьля» (над «кровья»). В № 25: «бытовой» (над «оптовый», рифма к «подшептывай»).

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В. Афанасьев, Н. Бандышеву и др. Ваши рифмы «перечисляются» в Конкурс 1929 г.

Опечатки: В ответе Е. Д.—у, напечатано Д. Ерусавин; следует — Державин.

В № 24, 1 столбец, 6-я строчка снизу, напечатано Н. Курылев из Ораниенбаума, следует — Н. Федоров.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЛУЧШЕ НЕ НАДО

СТЕПАН КИБАЛЬЧИЧ. «Поросль» (повесть). Изд. ЗИФ. 1923 г. Тираж 4.000. Стр. 208. Цена 1 р. 70 к.

ТЕМА о коллективизации деревни — интереснейшая и важная тема. Она еще не найдла в литературе своего отображения. Прошлым летом многие наши писатели откликнулись на призыв «Комсомольской правды» и предприняли литературный поход в деревню. Пока что мы не имеем творческих результатов этого похода, но вот Кибальчиц, неизвестно какими путями обогащая материалом, рассказывает нам о трудном пути роста одной сельскохозяйственной коммуны.

Но к сожалению... к сожалению показано все это у Кибальчица крайне поверхностно и неубедительно. Никакой попытки всерьез подойти к психологии крестьянина у Кибальчица нет. Крестьянство показано «сплошным коллективом», все действующие лица повести резко делятся на «плохих» и «хороших». Все кулаки конечно пьянствуют, устраивают поджоги, убийства, подлогу... У них даже нет собственного имени — они просто кулаки. Зато Гребенкин — центральное лицо повести, организатор коммуны — чуть ли не на каждой странице думает о социализме и произносит идеологически выдержанные речи.

Конечно с такими средствами трудно создать мало-мальски художественное произведение. Читатель чувствует на каждом шагу, что автор преподносит ему выдержки из политтратомы, слегка иллюстрируя их аллювативными плакатами с голубым небом, ядовито-зеленой травой и крестьянином в лопаточках.

Писал свою повесть Кибальчиц вероятно в расчете на деревенский читательский актив — комсомольцев, партийцев. А когда вещи делаются для деревни, то... качество у нас редко принимается во внимание. Такая же печальная участь постигла и эту книгу, тема которой ну-

ждается в настоящей художественной разработке.

Цена книги непонятно высока (1 р. 70 к.), да это пожалуй и к лучшему. Кстати об обложке. Вот понятие, где Зифовский метод делать каждую книжку «холодовой» через обложку достиг своего отрицательного полюса. Обложка этой повести о коммуне глядит на читателя каким-то пинкертонским сюжетом и бессильно пытается заинтриговать.

К.Л. ВАКС

КОМСОМОЛ В БОЯХ

«БОЕВЫЕ ДНИ» (Воспоминания), «Молодая гвардия». Стр. 149. Ц. 1 р.

«Боевые дни» — сборник очерков и воспоминаний комсомольцев-участников гражданской войны.

Перед читателем развертываются непрерывной нитью боевые события 18 — 20 годов. Колчаковский, Врангелевский и другие фронты, и полнее всего — Польский фронт. Это незабываемые дни и годы. Комсомол, тогда только что нарождавшийся как массовая организация, получал боевую революционную закалку. Повсюду на боевых позициях с винтовкой, в городе на добровольной общественной работе, в деревне в продотрядах — молодежь становилась незаменимой, самоотверженной силой.

Комсомольцы-участники, как могли, передали крупными своих воспоминаний, тесно связанных с днями вооруженного комсомола.

Вот объявлен добровольный призыв для защиты республики, и комнаты укомов, райкомов трещат от напора 16 — 17-летних добровольцев.

А вот сцены тяжелой, упорной борьбы на фронте, среди гододной, полураздетых армейцев; их смеяют описания не менее напряженных и опасных моментов работы продотрядцев в деревне и т. д.

Наиболее интересные очерки — сборника — В. Прохорова «В плену у Врангеля», А. Зюзина

«В панском плену», и И. Афанасьева «Дни боевые». Очень бледны воспоминания В. Штевена «Махновщина», в которых автор приводит мелкие, незначительные факты.

К общим недостаткам сборника следует отнести недостаточную литературную обработку, отчего книга с богатым, интересным содержанием читается не так легко, как это следовало бы.

Мы рекомендуем читателям-комсомольцам, и парням и девушкам, эти воспоминания их старших товарищей — свидетелей огненных дней революции.

А. МАРЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ НОВИНКИ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

А. КЕЖЕВНИКОВ. — Веники. Повесть. Стр. 252, д. 1 р. 30 к. Н. БОГДАНОВ. — Первая девушка. Повесть. Стр. 254, д. 1 р. 25 к. ЯК. ОКУНЕВ. — Грань. Роман. Стр. 544, д. 3 р. 75 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО

О. САВИЧ. — Воображаемый собеседник. Роман. Стр. 326, д. 2 р. 35 к. И. ЭРЕНБУРГ. — Рассказы. Стр. 81, д. 50 к. Л. МАНЬКОВСКИЙ. — О пролетарской морали. Стр. 114, д. 30 к. В.А. СУХАНОВ. — Затерянные во льдах. Стр. 234, ц. 1 руб. 20 коп. З. ШТЕЙМАН. — Литературные эпизоды. Стр. 222, цена 1 руб. 50 коп. МЮН ДЮРЕН. — Голливуд. Роман. Стр. 96, ц. 1 руб. ГЕНРИ МАНИ. — Счета жизни Рассказы. Стр. 46, д. 75 к. И. В. ВЛАДИСЛАВ-ЛЕВ. — Литература великого десятилетия. Стр. 300, д. 5 р. Буржуазные партии всего мира (сборник статей). Стр. 212, ц. 1 р. Г. И. БРОЙДО. — Б атаку против неграмотности и бескультурья (Саратовский опыт). Стр. 112, ц. 25 к. Г. ТАН. — За качество пропагандиста. Стр. 95, ц. 45 к. Е. ДАЙН. — На воздушном агитаторе. Стр. 43, ц. 20 к. Ф. КСЕНФОНТОВ. — Классовая борьба и перемены в сельсоветах. Стр. 55, ц. 20 к. К. Я. БАУМАН. — К переворотам советов. Стр. 60, ц. 10 к.

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ДК И МЛ ВЛКСМ

Ленин в 1918 году

ИЛЬИЧ НА НАРОДНОМ ПРАЗДНИКЕ

Воспоминания В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

В ДЕКАБРЕ каждого года в Женеве совершается широконародный праздник Эскалада. Женевцы в эти дни празднуют свое давнишнее освобождение от иноземной зависимости. Сохранилось предание, что когда Женеву окружили иноземные войска, хотевшие вновь покорить взбунтовавшихся женеццев, то восстали решительно все. Мужчины сражались, женщины и дети пошли на крепостные стены и там кипятками воду и обливали кипятком осаждавших войско, поднимавшихся по лестницам на стены крепости. И женщины победили, прогнав врага. И этот день освобождения от ненавистного ига свято чтится женеццами из поколения в поколение. Город оживает. Устраивается народное празднество, всюду раскидываются карусели, множество палаток со всякими сладостями. Приезжает народный цирк, тир, различные фокусники, зверицы и прочие тому подобные увеселения. Но самый интерес — это вечерний карнавал, все идет на улицы, наряженные в различные костюмы, в маски. Веселье залихват город. Все веселятся, осыпают друг друга конфет, опутывают серпантинными, и улицы бешутся народными огнями, фейерверками, весельем, пением. Мы, русские политические эмигранты, конечно, ходили смотреть на это зрелище, но по свойственной нам угрюмости, мешковатости и застенчивости никогда не принимали живого участия в этом четырехдневном народном праздничном весельи. И вот когда у нас в партии страсти кипели из всех сил, когда раскол на большевиков и меньшевиков разделял всех и когда среди нас не было веселых настроений, наступил декабрь...

Мы сидели со своим углом, изучали документы, готовились к докладам, строили свою новую организацию. Не до веселья было нам. На улицу даже не тянуло. Вдруг звонок. Входит Владимир Ильич, оживленный, веселый.

— Что это мы все сидим за книгами, угрюмые, серьезные? Смотрите, какое веселье на улицах! Смех, шутки, пляски... Идемте гулять! Все важные вопросы отложим до завтра...

Мы встрепенулись... Нам так было приятно видеть Владимира Ильича таким веселым бойцом... В последнее время после съезда ведь он так угас, так изнервничался от всей этой ужасной, душной атмосферы, что казалось трудно было ждать еще долго нового прилива живых, творческих сил.

Радостно отозвался голоса. Точно все только и ожидали этого призыва, отлежавшего нас от сумрачного настроения. Мы шумной толпой вышли на улицу. Погода стояла прекрасная, теплая. Огни всюду светились радостно, и многоголосо, бистротечная горная река Арва, которая протекала здесь совсем поблизости, так радовала своим переливающим шумом. Мы зашли еще и еще к товарищам, всех увлекая с собой на улицу. Шуму и смеху не было конца, и Владимир Ильич был впереди всех. Мы радостной толпой явились в общее веселье улицы, и пели, и кричали, и шумели, все было увлекаясь общими непродуманным настроением. Серпантинные летели от нас во все стороны более энергично, чем от других компаний, и мы усердно обсыпали конфетой наиболее интересные и живые маски.

И вот раздался песня. Пели все, пела вся улица, веселые бодрые песни, в ко-

торых звучали то мотивы марсельезы, то мотивы карнамоны. Кое-кто принялся танцевать. Вдруг Владимир Ильич, быстро, энергично схвативши нас за руки, мгновенно образовал пень вокруг нескольких девушек, одетых в маски, и мы зашли, и мы закуружились, и мы заплясали вокруг них. Те ответили песней и тоже стали танцевать, круг наш увеличился, и мы в общем веселье, несаясь по улице гирляндой, окружая то одних, то других, увлекали всех на своем пути. Нашему примеру последовали многие другие гуляющие здесь, и особенно молодежь с величайшей радостью подхватывала всякую новую песню, новую шутку, новый пляс.

И надо было видеть, с какой неподдельной радостью, с каким огромным увлечением и заражающим всех подъемом веселился Владимир Ильич здесь на улице, среди женевской толпы граждан, в которой конечно более всего принимал участие рабочий люд, трудящееся население этого небольшого веселого и изысканного городка. Написавшись до упаду, увлекши за собой многих и многих наших товарищей, которые до того скромно и чинно гуляли по улицам и с истинным изумлением смотрели на нашу компанию, Ильич успокоился. Так он внезапно показал себя с совершенно особой, веселой глубоко-товарищеской стороны, показал свою истинную живую натуру, умевшую и быть сосредоточенно серьезным и увлекаться весельем, и радоваться радостями жизни, и быть коноводом и в шутке и в игре.

Мы вваливались гурьбой в кафе, отдышались, смеялись, шутили, и остроумно каза-

Ленин в Горках. Лето 1923 года.

лось не будет и конца. Наконец, изрядно поустанави, отравились все в наше излюбленное кафе Ландольта, где постоянно была русская политическая колония, и отдала честь великолепным сосискам с кислой тушеной капустой, которые мы так все любили.

На другой день по нашей русской колонии разнеслась весть о том, как большевики с самим Лениным во главе веселились на улицах. И это всем было и лично и завидно. Никто кажется не ожидал от нас, что мы так вполне нарушим эмигрантское благочестие и проявим такое живое и молодое участие в народном весельи. Велико было удивление всех, когда все узнали, что зачинщиком этого дела был сам Владимир Ильич, принимавший такое живейшее участие в нем.

И как это было хорошо! И теперь, после почти двадцати пяти лет, как приятно и радостно вспомнить Владимира Ильича не только бойцом, не только революционером, не только гениальным политиком и ученым, но вот таким простым, жизненным, бодрым, веселым, заражающим всех своей радостью и предающему и веселью с такой же страстью, с какой он делал решительно все.

Вот эта непосредственность Владимира Ильича, умение подойти к явлениям жизни прямо, умение участвовать в самой жизни, сливаться с ней в ее радостных сторонах и вместе с тем всегда быть строгим к себе — так прекрасно характеризуют Владимира Ильича.

Некоторые рисуют себе Владимира Ильича как сумрачного человека, вечно погруженного в самые серьезные занятия, совершенно отошедшего от радостей и горестей обывденной жизни. Имея ничем не поколебимое стремление переорганизовать жизнь для блага и счастья огромного трудящегося большинства людей, он чувствовала жизнь во всех ее проявлениях. Он терпеть не мог пошлости жизни, мешательства, глущащего все живое, трепетное и действительно прекрасное, и вместе с тем он откликнулся на всякую радость масс, на все то, что шло к массам, к их счастью, к их благо, к их радости и веселью. Вечно думая о жизни угнетенных, сиречь-то понять и провести в жизнь все то, что эту жизнь облагораживает, возвышает, очищает, поднимает, — он сам непосредственно всегда хотел принять живое участие в самой гуще жизни, изучая и познавая ее со всех ее сторон. Таким был Владимир Ильич. И нет ничего лучше, как если подрастающее поколение воспитает в себе умение работать во всех отношениях на пользу нашего рабочего государства, строящего социализм в одной стране, умение учиться и глубоко познавать все самое необходимое и важное для блага и счастья рабочего класса, умение жить радостно, весело, бодро, как полагают молодому, здоровому поколению, удаляясь от всего пошлого, мешанского, безидеального.

Таким всегда был Владимир Ильич.

ПОЕЗДА

Стихотворение А. ТВАРДОВСКОГО

В предутренней домашней расе
Мы чувствуем сквозящий сон,
Как паровозы, горячася,
Грохочут под уклон.

Как под колесные лады
Дрожит сухой песок,
И медленно исползает дым
На встречный лесок.

Мы понимаем, что всегда —
Сквозь ветры, дождь и снег —
Не замедляют поезда
Неустанущий бег.

И сотни верст перебежав,
Окутав зарью степь,
Один какой-нибудь состав
Вевет столбцам хлеб.

А где-то
На пути дружок
Другой
Гремит в ответ,

И пахнет
Нефтью и углем
Его дрожащий след.

Колеса весело стучат
Неукротимый такт...
И плетъ,
И десять лет назад
Они стучали так.

Они выстукивали то ж
Над тихим стоном шпал,
Когда свинцовый гладкий дождь
Вагоны сыпала.
Колда

на голод,
кровь

и тифъ,
хрипя от мерзлых дров,
Сдавал в пути локомотив
Беспомощно суров...

Вагоны дениались,
пока
Их торошил стонъ,

Потом
Ржавых в тушках,
Уставши от пононь.

В какой-то день
Пришли туда
Большие мастера...
И ожидали поезда
Гремя:
"пора, поа!"

Был редостен
Под песню труда,
Под песню день работ...
Да,
песни многие умрут,
Но эта
не умрет!

Она переживает года
И не спорит в огне.
Ее запомнят поезда,
Как в это утро
мне.

Александр и Александра

Повесть Виктора Дмитриева и Николая Богданова

(Продолжение)¹

Глава третья

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЮ

УТРОМ по дороге на фабрику Крылов заходил за Шурой. Иногда он являлся слишком рано и будил ее, бросая в окно горсть снега или ледяшку. Шура выбегала ему навстречу, смеясь, с блестящими после сна большими синими глазами, на ходу заправляя черные волосы под оранжевую вязаную шапочку.

Как бы рано Шура и Крылов ни выходили из дому на фабрику, они никогда не попадали раньше, чем за две-три минуты до начала работ. Вся Москва существовала для них.

Они останавливались у каждой витрины, и их отражения улыбались им. Им было так беспрочно весело, так просто разговаривалось, что они никогда не ходили под руку.

Шура и Крылов работали на вкусовой фабрике. Еще за триста шагов различали они знакомый смешанный тягучий запах мятных, лимонных, земляничных эссенций, шоколада и антоновских яблок, дымящегося печенья и карамельных начинок.

Запах этот наполнял не только этажи, но и плотный, почти ошумившим облаком окутывая все фабричные строения и окрестности. Шепки на фабричном дворе и те пахли кондитерской, с зарытыми глазами их можно было принять за маршипань... Когда с фабрики на Замоскворечье тнул ветерок, в боевые уличные запахи бензина и асфальта неожиданно вмешивался приторный запах свежих конфет, печений и цукатов. Фабрику знали во всех городах, от Минска до Владивостока.

Фабричные изделия в больших фабричных ящиках шли в Тавриз и в Елабугу, в Турцию и в Псковскую губернию. Называлась эта фабрика «Красный кондитер». Шура и Крылов работали в ее бисквитном цехе.

Весь цех привык встречать их вместе, и если бы Крылов вошел один без Шуры или Шура без Крылова, все очень бы удивились. Даже мастер Жрыбунов, казалось ничего не замечающий кроме своего печенья, и тот, пробуя составленное Шурой тесто и одновременно указывая глазами на Крылова, говорил: — У девочки есть вкус.

Правда никто не понимал этой шутки. Зато самому Жрыбунову она очень нравилась, он употреблял ее каждый день и, пошутив, долго улыбался.

Но никто, ни добродушный Жрыбунов, ни собирающийся уже уходить на пенсию старший по машине Афонский, ни Гурьев, ни Лешка — никто не верил в платоничность дружбы Александра и Александры.

— Ну, что, — спрашивал иногда Крылова Лешка, — скоро твоя краля тебе по морде нашьварает?

Хотя в слухах Лешки не было ровно ничего смешного, все раздражалось дружным хохотом. Такова уж была сила репутации!

Крылов ругался, злился, чуть не дрался, но ничего не мог поделать. Лешка продолжал острить, остальные продолжали смеяться. Тогда Крылов стал отмахиваться и только тихо краснел и ярился.

В среду Жрыбунов сообщил Шуре, что в обед он понесет директору на пробу ее, Шурино, печенье.

— Какое мое печенье? — не поняла сперва Шура.

— А кто вчера сахару добавил?

— Три золотника?

— Вчера три золотника сахару, позавчера масла сверх рецепта, вот и новый сорт. Пойдем к директору, что он тебе скажет... Как бы он тебе за твой сахар перцу не подсыпал.

— И подсыпал, и очень свободно, — радостно поддержал полоспевный старичок Гурьев. Он попробовал было захихикать, но Жрыбунов отослал его на место к машине.

У первой штамповальной машины бисквитного отделения работало во-

семь человек. Двое стояли у тестомесилки и заваливали готовое тесто в воронку. Из воронки тесто широкой желтой дорожкой выпало на транспортер. Тесто проходило через четыре пары сияющих стальных вальцев, разглаживающих его и утончающих до необходимых размеров.

Транспортер заканчивался штампом, который мягко шлепал по маслянистому тесту, выштамповывая по сто печенных зарас. Последний валик приподнимал кружевную ленту обрезков, а печенье проходило под ним, нолпазая на жесткие листы. Работница переставляла листы в механически пушущую сдобным жаром печь. Через несколько секунд другая работница с другого конца печи выбирала листы с зарогельем, как июльская пшеница, печеньем и составляла их студить в карусель.

Работать у печи было не так просто. Достаточно было самую малость скоосбочить вставляемый лист, чтобы нарушили движение ажурного печного пода, и на работницу, вынимающую печенье, вместо золотой пшеницы ударило бы пламя, дым и ядовитые газы. Цех заволкло бы срадом, и по вине неудачливого коллектива остановилась бы работа на целые полдня.

Крылов, работая у машины, видел улыбающиеся глаза Шуры, то сквозь желтые кружева обрезков, то сквозь кусочки теста, взметаемые быстро вращающейся перед штампом жесткой круглой шеточкой. Крылов пока работал простым рабочим у машины, но знал, что так же, как в армии он из рядового красноармейца попал в отделение командиров, так и здесь на фабрике благодаря той же неуклонной честной и точной работе он должен выйти в старшие по машине. А там дальше, чем чорт не шутит... И мечтой Крылов хвотал далеко.

В обеденный перерыв Жрыбунов пошел с Шурой к директору. Она несла перед собой деревянную коробочку с готовым печеньем, держа ее, как хлеб-соль, бережно и неестественно.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Представление «Петруши», происшедшее в клубе кондитерской фабрики, было весьма интересно. В промежутках паритической любовной песни, развлекательной куклами, артистам являлись различные пары и девушки — комсомольцы. Авторы раз'ясняют читателям происшедшие события... Комсомолу Крылов вернулся из армии к своему товарищу Лешке Попрляеву. Лешка — вышестоящий работник — рассказывает Крылову о девушках их фабрики, и между прочим о Шура Майковой, прозванной недотрогой. На вечеринке Крылов познакомился с работницей Зиной — симпатичной Попрляеву, а поутру на фабрику, он встретился с Майковой...

¹ Начало см. в «Сменах» № 1.

Все замолчали, когда вошли Жбрыкунов и Шура. Сердце Шуры похолодело. Директор, не говоря ни слова, взял одно печенье и осторожно, будто боясь уколиться, откусил почти невидимую дольку. Печенье можно было положить обратно, и оно не сошло бы за брак. Он долго и сосредоточенно мял откусенный кусочек языком, уставившись глазами в одну точку.

Все в комнате сохраняли тишину. Шура поглядела на лица окружающих и поняла, что все пропало.

Вдруг директор шумно вздохнул, и вслед за ним вздохнули все. Он все так же молча взял то самое надкусанное печенье и быстро с'ел его. Тогда все удивленно посмотрели на Жбрыкунова, и Шура поняла, что ее печенье хорошо, раз оно понравилось пресыщенному всеми сладостями фабрике, ненавидящему их до тошноты директору.

Машина № 1 получила заказа на новый сорт.

Шура через три ступеньки прыгала по звонкой железной лестнице. Она заглянула в дверь чека и увидела Крылова. В кругу других рабочих он сидел лицом к двери. Чтобы вызвать его незаметно для других, Шура, оглянувшись по сторонам, вытащила из кармана своего тайного, запретного, известного лишь Крылову друга — плюшевую обезьянку. Высунув игрушку из-за косяка двери, она осторожно поманила Крылова.

После того, как однажды на комсомольском собрании Лешка уличил ее в этой недостойной сознательной девушке слабости, и ее долго дразнили, она не рискнула на людях показывать свою обезьянку. Крылов знал это. Увидев плюшевую головку гамандрилки с желтыми бусинками глаз, Крылов понял, что это не спроста. Он выбежал в коридор.

Голубое платье Шуры мелькнуло за штабелями ящиков с печеньем. Крылов бросился в догонку, но за штабелями Шуры не было. Показываясь то за поворотом лестницы, то в просвете двери, она увлекла его за собой мимо чанов с пенящимся яблочным соком, мимо прессов, выжимающих распаренные фрукты, в самые темные недра фабрики — в глубокий подвал, где громоздились огромные корзины, сберегающие годовые запасы антоновки, ящики с прохладными нежными грушами, дубовые боченки с малиновым, вишневым и земляничным вареньем.

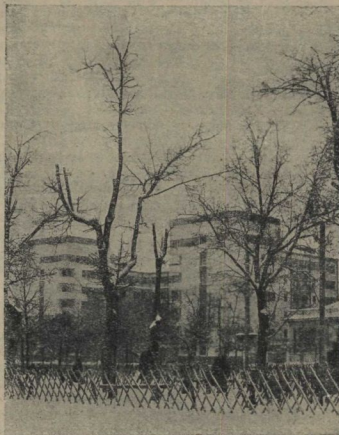
Маленькое окошко скупо фильтровало жидкие лучи зимнего солнца. Кры-

лов не видел, а скорее чувствовал, как блестели Шурины глаза. Протянув перед собой руки, он шел за Шурой в темноту.

Шура взяла Крылова за руки. Крылов вдруг почувствовал, что у него есть сердце и что сердце это прыгает, как камушек в погремушке. Он стиснул Шурины прохладные руки, и в первый раз она не отняла их. Крылов подался вперед.

Минуту он не понимал, что с ним произошло, может быть это ударила молния или фабрику тряхнуло землетрясение?

«Неужели она меня поцеловала?» — подумал он, радуясь и недоумевая.

Глава четвертая

РИСКОВАННЫЙ ПРЫЖОК

Солнце медленно заходило. Оно стояло у самой земли, и две сосны держали его под руки, как конвоиры. Шура и Крылов забрели далеко. И другие лыжники, и дорога остались позади. Они шли, потеряв все тропинки, напрямик через поле. Где-то в стороне, за леском, гуле невидимый поезд, и путь его следования обозначался полоской розового дыма.

По времени давно бы пора возвращаться. Крылов не хотел говорить об этом первый, Шура могла подумать, что он устал. Шура и в самом деле устала, но как признаться в своей слабости? Нарочно из последних сил

она еще и еще убыстряла ход. Крылов легко поспевал за ней.

Шура дышала тяжело и часто. Усталые, намокшие от снега и пота кудряшки распустились и разметались по ее нежной сильной шее. Крылову стало ее жаль. Обтянутый лыжный костюм делал ее такой непривычно-маленькой и хрупкой.

— Шуренко, — сказал Крылов, — ты устала. Двинем обратно...

Но он начал не с того конца, и тотчас сам это понял.

— Я устала? — возмутилась Шура. — Вот еще новое дело.

Она, взяв палки на перевес, припала на правую ногу, и быстро понеслась по неожиданно откровенному спуску.

— Не езди! — крикнул ей Крылов. — Мы не знаем места.

Но она только тряхнула головой и задорно прибавила ходу. Всякий, даже самый дальний намек на приказ, на опеку сердил ее и подзадоривал на отчаянные выходы.

Крылов удрился за ней. Он уже не летел, а обрушивался, грудью проламывая воздух. На полугорье он обогнал Шуру и насмешливо помахал ей рукой. Шура не хотела отставать. На крутом спуске, на полном разбеге, она еще оттолкнулась палками. Но теперь уже Крылов не хотел удавать. Веселый азарт нес его вперед.

Любовная игра переходила в серьезный спорт. Крылов так убежал от Шуры, как будто от того, кто быстрее пройдет километр, звысела самая их любовь.

Снег визжал. Впереди лыж взматалась поэмка. Шура отставала все больше. Крылов обогнул еще поворот. Гора кончилась, но кончилась она неожиданно — оврагом. Нужно было либо свернуть направо, почти под прямым углом и проехать вдоль оврага, но над краем, — либо, пользуясь большим разбегом, прыгнуть через эту внезапно раскрывшуюся опасность.

Выбирать нужно было немедленно, даже не в секунду, а в десятую долю секунды. Крылов не знал глубины оврага, но он обернулся и увидел, что Шура смотрит на него. Уже прыгнув, он крикнул ей: «Поверни!»

Перед прыжком Крылов сильно присел, распрямился и метнулся вперед. На другом берегу он не удержался и зарылся лицом в сухой рассыпчатый снег. Когда он поднялся и протер запыленные глаза, он не сразу сообразил, куда делась Шура. Вдруг он уви-

дел второй след лыж, обворвавшийся на краю оврага.

— Шура! — закричал Крылов и, хромая и волоча лыжу, пристегнутой к ноге, подбежал к оврагу. — Шура, Шурунок!

— Ау, Крылов, — послышалось из глубины. Шура все еще звала его по фамилии.

Крылов лег на живот и зябнул в овраг. Там внизу по поясу в снегу стояла Шура, не отрываясь, покусывая губы. Глубина оврага оказалась невелика, девушка не ушиблась. Крылов помог ей выкарабкаться. Обрадовавшись, что она невредима, он даже не упрекнул ее в неосторожности. Лишь много позже, в трамвае, он сказал ей, взяв за горячую руку и нащупывая перекресток артерий выше кисти:

— А что, если б овраг был глубоким?

— Зато я все-таки прыгнула, — упрямо и нежно ответила Шура.

Вернувшись, в городе Крылов и Шура долго брели путанными и изломанными переулками.

Усталые, они часто останавливались у какого-нибудь маленького одноэтажного трехкопного домика, на который бросал свою длинную тень, как покрывало, многоэтажный сосед. Заглядывали в окна. Там, по ту сторону стекла, шла своя, замкнутая в свое русло жизнь.

— Знаешь, — говорил Крылов, — скоро Афонский уйдет. Я наверняка буду старшим по машине, и смогу наконец доплатить пай в жилищный кооператив. Мы получим комнату.

— Я тоже получу комнату, — отвечала Шура.

— Да, в двух нам будет конечно просторней.

— Не только просторней, но мы никогда не станем жить в одной комнате.

— Почему это? — удивился Крылов.

— Ни за что, — горячилась Шура, — это самое страшное. Всегда чувствовать на себе чей-то связывающий взгляд; нет, Крылов, так нельзя. И потом, довольно уж этих благополучных браков с геранью и канарейкой. Мы не сможем замкнуться в этой ерунде. Мы родились в год одной революции, росли вместе с другой, и неужели все это только для того, чтобы жить степенные гнезда по образу наших почтенных прабабушек? Обратиться стеганными одеялами, кофейниками, вот такими тарелочками на стенах, как в этом домишке?

— Да, это правда, — соглашался Крылов.

— Разумеется, правда, — продолжала Шура, — ну, у нас будет, допустим, общая комната, библиотека и с ней общая. Мы часто будем вдвоем читать одну и ту же книгу, заниматься рядом, вместе, все это так. Я только хочу, чтобы проклятые житейские мелочи не задевали, не засоряли нашей любви...

— А все-таки хорошо нам будет вдвоем, Шура, правда? — Крылов обеими руками крепко стиснул ее руки.

— Передо мной теперь, — говорил он, — стоит генеральная задача — выйти в мастера. Терпение, терпение, всего добьюсь, Шурунок, милый.

— Добьемся, — поправляла Шура.

Глава пятая

СОПЕРНИЦА

Совещание у директора началось ровно в восемь, как и было назначено. В бисквитном цехе предстали большие перемены, и директор не хотел на них решиться единолично. Мастер Жбыркунов переходил в трест, на крупную хозяйственную работу, уехали из цеха сразу трое старших по машинам — старик Афонский на пенсию, Геркулесов и Маркин — в Красную армию.

Больше всего споров вызвал на совещании вопрос о старшем по первой машине. Завком выдвинул кандидатуру Крылова, Жбыркунов настаивал на своем кандидате, женоорганизаторша Киселева развивала бешеную скорость и, брызжа слюной, выкрикивала еще чью-то фамилию.

Мечта Крылова была близка к осуществлению как никогда. Уже лежал на зеленом директорском боваре приказ о его назначении мастером, уже скрипел пером рондо секретарь заводоуправления, протоколируя решения совещания. Сам Крылов, ничего не чая, в это время с Шурой и со всей ватагой фабричных комсомольцев шел в театр.

Они миновали Красную площадь. Кремлевские башни стояли, как часовые в буленовках. Луна дробилась на зубцах стены. Красный флаг, освещенный снизу, озарял алым отблеском всю площадь.

На Тверском бульваре толпа окружила старичка, показывавшего за пятачок луну в большую трубу. Полобовались луной и Шура с Крыловым. В трубе луна была распухая, обрюзгла. Она скучно висела в большой холодной пустоте.

Крылов у входа в театр купил винограда и подал Шуру. Она ничего не сказала и, усмехнувшись, взяла кулек, но тотчас подошла к тому же лотоци-

нику, купила десяток яблок, и с усмешкой подала их Крылову.

Крылов понял этот ответ. Но он не хотел уступать. На яблоки он отвелит грушами. Шуру это задело.

Она рассовала по карманам покупки, и, не оглядываясь, поспешила в театр. Крылов пошел за ней.

Еще в вестибюле, у вешалки Зина заметила размолку Шуры и Крылова. В зрительном зале она села рядом с Александром и весь вечер на шептывала ему нежные неприличности. Крылов рассеянно слушал ее и отвечал ей невпопад. Он пристально смотрел на Шуру упорным, физически ошутимым взглядом. Но как только Шура взглядывала на него, он тотчас оборачивался к своей белокурой соседке и улыбался ей. Исподтишка, из-за виска, он следил за тем, как действуют на Шуру эти расточаемые с опернице улыбки. Как только отворачивалась Шура от него, так и он отворачивался от Зины.

(Продолжение следует)

ТЕХНИКУ МАССАМ

Очерк В. РУБИНЧИКА

ПРОФИЛИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

Кроме того среди рабочей молодежи выкристаллизовался и с каждым годом увеличивается ценнейший отряд производственных смеяльщиков, юных техников и молодых изобретателей, дающих об улучшении своего станка, о механизации отдельных отраслей производства, о поднятии путем технических усовершенствований производительности или же качества продукции.

На одном из совещаний Т. Розанов рассказывал: «Я могу указать, что у нас есть ценное гнездо молодежи. Десятки ребят, а может быть и сотни сейчас настолько интересуются техникой, что отдают ей все свое свободное время. Когда я находился в Сибири, в городе Новосибирске, на фабрике одного завода я познакомился с кружком таких ребят из 25 человек, именующих себя конструкторами. Мне рассказывали о них — над чем они работают. Например двое фабричант работают над тем, чтобы устроить зеркало для машиниста на паровозе. Технически эта идея имеет большое значение, так

как машинисту все время приходится выгибывать направо и налево, что представляет большое неудобство, а то время как при помощи зеркала он мог бы отлично видеть перед собой весь путь, что увеличит безопасность движения на железных дорогах. Далее, один из парней задумал устроить такие лопатки, в которых можно было бы ходить в любую распутицу, чтобы они не влизи в грязь и не черпали воду. Некоторые ребята поставили себе задачей устроить прибор для плавания — нечто подобное перепонкам на лапах у водяной птицы, чтобы вода не проскальзывала между пальцем плавющего человека. Может быть в Америке такие перепонки уже изобретены, но в данном случае характерно само направление молодежского изобретательства.

В письмах, получаемых не только от молодых рабочих, но также и крестьян, чувствуется не только эта тяга к техническим знаниям, но частенько скрывается и бесение что-либо сделать в силу все той же технической безграмотности.

Очень характерным является письмо т. Широкова из хутора Спорный, Армавирского округа: «Я сын хлебороба-середняка, совершенно малограмотный, между тем я очень стремлюсь к какой-то науке, было на очку. Самоучкой я научился производить починку швейных машин, часов, граммофонов и т. п., а в некоторых случаях даже могу сам изготовить какую-нибудь часть для них. Все мое стремление — это наука, но беда в том, что у меня нет никакого настоящего инструмента, и я пользуюсь самодельной. Отец меня ругает, что я плохой козус, делая из нее какую-то пилку, после чего с самоизготовленной пилкой что-либо мастерю. Уж больно я заинтересован всякого рода машинами, как-то: трактором, автомобилем, велосипедом, автобусом, короче говоря всеми сложными машинами, развивающимися у нас в Советском союзе. С одной стороны я надеюсь на свою сильную память. Тем более, при всем моем желании и стремлении, если бы у меня был инструмент, я мог бы что называется все сделать. Мне нужна наука, а к ней путь и верная дорога, я не знаю ее. Обращаясь к вам с просьбой об указании мне научной дороги и верного пути, чтобы не забыть свои молодые силы, чтобы я мог овладеть своими стремлениями стать полезным человеком для нашего протаракского государства».

Сколько мастеров приходится претерпевать нашим рабочим и юным изобретателям благодаря тому лишь, что они не умеют рассчитать, оформить и начертить задуманное ими, что они, приходя в наши бюро по содействию изобретателям, встречают там пренебрежительное, казенное отношение к своим ватагам только потому, что не все вычерчено. В таких случаях незначительная помощь в вычислениях и чертежах может иметь колоссальное значение для изобретателя в смысле ускорения процесса его признания.

А часто бывает, что рабочий самостоятельно или при чужой помощи все вычертил, все вычислил, но для лучшей убедительности, как для себя, так и для других, ему требуется конструировать и испытать предлагаемое усовершенствование. Для этого нужен инструмент, горы, материалы, ин-

В слесарной мастерской Первой технической станции о-ва „Техника массам“ — у проверочной плиты.

СТАНКИ И ЛЮДИ

ПО ВСЕМУ Советскому союзу развернулась грандиозная социалистическая стройка. Успешным темпом мы приступили к рационализации оставленной в наследство от царского режима отсталой и изношенной промышленности.

Один за другим воздвигаются новые фабрики и крупные заводы-гиганты. Мы закладываем фундамент грандиозных сооружений — электростанций, нефтепроводов, нефтяных вышек и железнодорожных магистралей.

Мощной лавиной должна устремиться техника и в сельское хозяйство. Недалеко время, когда плуги, тракторы, триеры и сложные сельскохозяйственные машины вытеснят соху и др. допотопные формы земледельчества.

Мы еще далеко позади заграничной техники, но твердо и уверенно осуществляем поставленную нашей партией перед страной задачу — не только догнать, но в короткий срок и перегнать капиталистические страны Европы и Америки.

Однако по мере того, как наше хозяйство перестраивается на базе новой техники, для широких масс трудящихся, в том числе рабочей молодежи, затрудняется участие в социалистическом строительстве из-за унаследованной от прошлого технической отсталости и безграмотности.

Каждый открываемый завод и переоборудованный цех настойчиво требуют от участников производственного процесса гораздо более повышенной технической подготовки и технических знаний, чем это было нужно до сих пор.

Рабочая молодежь Советского союза остро чувствует все последствия своей технической и культурной отсталости, зачастую она вынуждена молчать на производственных совещаниях, когда обсуждаются вопросы, требующие специальных знаний; нередки случаи, когда без дела стоят десятки и сотни заграничных станков потому лишь, что на фабриках и заводах отсутствуют кадры рабочих соответствующей квалификации.

Перед лицом таких фактов значительные группы молодежи жадно потянулись к поднятию своего общетехнического образования.

Проверка угольника.

структур или свдущие в этом деле лицо. И далеко не всегда всего этого можно добиться.

Вот почему громадный интерес и значение приобретает организованная недавно в Москве, а по ее примеру и в других городах технические станции, ставящие своей задачей удовлетворение запросов рабочей молодежи и ее стремление к техническим знаниям.

МОСКОВСКИЙ ПОЧИН

Первая техническая станция была организована при школе ФЗУ Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги и Центральном доме Красно-пресненского района ВЛКСМ города Москвы. При этой станции созданы техническая консультация, бюро помощи изобретателям и кружки по бытовой технике. Кроме этого она организует лекции на технические темы, экскурсии и т. д.

Техническая консультация является центром всей станции. В ней каждый входящий рабочий получает ответ на любой интересующий его вопрос по различным отраслям техники и производственной жизни. Будь то отдельные вопросы физики, химии, электротехники или какой-либо отрасли производства, техническая консультация обязана дать исчерпывающие ответы с указанием соответствующей литературы, отдельных глав, страниц.

Если тот или иной товарищ интересуется отдельным вопросом, усвоение которого требует систематической и углубленной работы в течение известного периода времени, то для этого существует при консультации специальная комната, рассчитанная на 20—30 человек, где можно в спокойной обстановке заниматься и в любой момент обратиться к дежурному по консультации за разъяснениями. К работе технической консультации привлечены педагоги ФЗУ и значительное количество инженеров и техников, работающих в порядке общественной нагрузки.

При технической станции оказывается помощь и молодым изобретателям. Дежурные инженеры и техники, а также студенты технических вузов выслушивают каждого проходящего изобретателя, дают ему необходимые советы и указания и, усвоив идею изобретения, при его непосредственном участии изготавливают соответствующие чертежи. Для изготовления чертежей рабочие-изобретатели используют чертежный кабинет ФЗУ со всем имеющимся в нем оборудованием.

Кабинет технической помощи изобретателям занимается не только с теми изобретателями, полезность изобретений которых очевидна, но также и с теми товарищами, предложения которых не являются еще совершенно иными и возможными для применения. Этим стимулируется их творческая производственная мысль и обеспечивается правильное направление ее в дальнейшем.

В мастерских ФЗУ, прикрепленных к технической станции, по мере надобности фабзавучники под руководством инструкторов изготавливают несложные модели проектов отдельных рабочих изобретателей.

До сих пор еще значительная часть рабочей молодежи и взрослых рабочих совершенно не знакома с практикой проводки необходимого в повседневной жизни, в домашнем быту электрического звонка, проводов и ремонта электричества, устройства радиоприемника, ухода за швейной машиной и другими мелочами бытовой техники. На каждой фабрике, на каждом заводе значительные слои молодежи имеют свои велосипеды, но не знают их конструкции, не знают, как их разбирать, а в случае небольшой поломки починить.

Для этой цели при технической станции открыты краткосрочные 2-месячные курсы по бытовой технике.

На стенах фабрично-заводских корпусов Красной Пресни и клубах можно было проследить большие плакаты следующего содержания: «Центральная техническая станция Всесоюзного о-ва «Техника массам» и Дом комсомола Красной Пресни объявляют, что 10 декабря на организованных ими совместных курсах по технике быта (ремонт велосипедов, швейных машин, электропроводка, устройство электровзвонка, ремонт водопровода и канализации, фото-с-емка) начнутся групповые теоретические и практические занятия в помещении Дома комсомола: 1 Врестская улица, дом № 13. Срок обучения от 3 до 6 недель. Обучение бесплатное. Товарищи, желающие пройти курс по технике быта, направляются по путевкам ячеек ВЛКСМ не позднее 6 декабря с. г. Прием ограничен».

В настоящее время 150 молодых рабочих Красной Пресни обучаются на курсах бытовой техники. Через два месяца каждый из них получит элементарные знания по электротехнике, по физике и механике. Регулярно раз в две недели в огромной аудитории Дома комсомола техническая станция о-ва «ТЕХМАСС» организует лекции по разнообразным техническим вопросам, интересующим рабочую молодежь. С громадным интересом проходят эти лекции. Аудитория, вмещающая 700 человек, всегда бывает заполнена молодыми рабочими. Значительно способствует этому успеху популярное изложение сложных технических вопросов и иллюстрация лекций диапозитивами и другими наглядными пособиями.

Много интересных выставок по технике новейших машин и станков, как отечественных, так и зарубежных, имеется в Москве. Техническая станция организует регулярные массовые экскурсии рабочей молодежи на эти выставки. Такие посещения дают молодым рабочим много нового, интересного для расширения их технического кругозора и перенесения полученных знаний в свою производственную работу.

Некоторые время тому назад в городе Самаре по инициативе группы активных комсомольцев, при помощи и содействии окружного комсомола и других общественных организаций, открылась такая же техническая станция при жел.-дорожной школе ФЗУ. Как и в Москве ее открытие встретило живой отклик и интерес со стороны рабочих ближайших заводов, многие инженеры и техники откликнулись на призы комсомола и принимают активное участие в ее работе и руководстве. В настоящее время там работает на полном ходу техническая консультация, она помогает изобретателям, открыты кружки бытовой техники и краткосрочные курсы по слесарному и токарному делу, а также по электротехнике.

Из далекой Сибири также сообщают, что в городе Чите при ФЗУ открылся техническая станция.

Около тысячи фабзавучей раскинуто в промышленных городах Советского союза. Сотни тысяч молодых рабочих пытаются сбросить с себя ярмо технической безграмотности. Каждая организуемая станция может их объединить для этой борьбы и обслужить много сот молодых трудящихся. Навстречу этому стремлению идут сотни и тысячи преданных советской власти специалистов, желающих участвовать в поднятии технической культуры трудящихся.

Комсомольцам, педагогам, инструкторам, инженерно-техническому составу школ ФЗУ необходимо следовать почину Москвы и Самары.

Сотни технических станций должны быть организованы в ближайшие время для объединения десятков тысяч трудящихся для ликвидации технической безграмотности.

Сезонин Григорьев—самочуча-изобретатель в чертежной Технической станции о-ва «Техника массам».

В старшей мастерской—за изготовлением модели изобретения.

Инженер Александров дает объяснения членам о-ва «Техника массам» о работе двигателей внутреннего сгорания.

Диктор у микрофона в студии «Радиопередачи». Передача телеграмм ТАССа.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

НАМ обоим жарко: и мне, и бриволящему Сергею Палычу. Но посылел Сергей Палыч на паше, прыхнул он к летнему зною — только рукам обмахаться, когда подползу по носу крупная капля пота. Сиди под молоденькими березками, — на дорожке от них легкая кружевная тень. В стороне жужжание; нет, нет — пролетит и исчезает пчела.

Говорить неохота — слушаю медлительную речь старика. Он рассказывает, как приехал к нему из города сын, рабаковец, и поставил приемник.

— ..Глазун мой Тишка в бумажку — через столько то минут, говорит, Москва с нами разговаривать будет. И что бы ты думал: заболкотала трубка, зашипела и ровно человеческим голосом прояснит. Чего там говорено — не упомню; но только мужиков мы назвали полну избу, — они как услышали, как начнут нас по-матерному крыть... Вы что, говорит, жулики вы с сыном своим, какую нечистую силу в избе спрятали. И тебе мол не срам, Сергей Палыч: у тебя вон седина в волосах, а чорт в себю, — и пошла, и пошла. А я сам одурел, стою да в трубку гляжу, а Тишка хохочет. Однако разбранилась мы с мужиками — я то мол прицем; а на другой, да на третий день народу привалило вдвое, да с бабами, да с ребятами. Сейчас вон страда, никого дома нет, то бы видла после Пожова, что будет, — страсть! Что ж ты сважешь — хоть и малограммный я, а все ж удумал в Москву письмо написать, что вот мол спасибо за вашу работу, что раньше мы по неделям из города ничего не слышали, а теперь про все нам диковинное ваша шуткалка рассказывает. Не засмеют меня, старого? Небось без меня делов довольно...

— Не засмеют, Сергей Палыч, — весело говорю я моему собеседнику, седобородому радиолюбителю.

Немного повременив, Сергей Палыч нагибается к плохонькому приемнику, вытянутому на вольный воздух, и соединяет волосок. Через минуту поверх солнечного зноя и как бы зарождающаяся в нем, до нас донеслись звуки внятного человеческого голоса, чуть заглушаемого шипеньем.

НА ЧЕТЫРЕ ВЕТРА

Таких писем, как письмо Сергея Палыча, подучаются в Москве многие тысячи — без них радиовещание не могло бы установить связи со своей миллионной аудиторией, узнать ее нужды, следить и учитывать ее интересы. Пишут из деревень о крестьянских передачах, с фабрик и заводов о «Рабочей радиозавете» и «Рабочем

полдне», о «Комсомольской правде по радио» и т. д. Есть о чем писать и пионеру, и слушателю радио-инженеру, а и жителю медвежьих угол, куда газеты доходят через подторы-две недели, а то и вовсе теряются в пути. Один подучивается немецкому языку или эсперанто по радио, другому оно рассказало, как выводить молочных поросят, третий узнает политические новости, которых не может или не успевает прочесть в течение дня, четвертый получает инструкции по переборам в советы и отдыхает на радио концерте, пятый научается следить за своим радиоприемником или готовится к докладу. Разве перекажешь все, что делает и что еще может сделать невидимый миллион ушей в течение секунд и долей секунд вместо недель и дней.

Огромную роль должно сыграть радио в деле изучения неисследованных областей земного шара; после экспедиции Нobile и похода «Красина» это стало особенно ясно. А с каким волнением воспринимали красинца и малыгитца каждый перерыв связи, и наоборот — какой радостью встречали они восстановление радиосвязи. Нечего и говорить о том значении, какое приобретает радио в современной войне, как орудие спасения и уничтожения людей. Особенно большие надежды возлагаются здесь на едва становящуюся на ноги работу на коротких волнах.

Сейчас в мирной обстановке, внимание советских радиоразделений направлено на использование радиовещания в целях культурно-политического просвещения, научного и художественного воспитания масс. Несмотря на сравнительную молодость этой работы, сделано много, — но одновременно продолжают непрерывные поиски новых путей и усовершенствований. Улучшение качества передачи, расширение сетки радиопередат, приращение их к самым широким массам слушателей, удешевление

аппаратуры, постепенный охват всего Союза, — вот к чему неустанно стремится наше радиовещание.

Радио вошло в наш быт. Оно стало почти так же обычно, только гораздо более массово распространено, как некогда граммофон. Но в отличие от своего механического однообразного предшественника, оно каждый день живет новой жизнью.

Газета, лекция, концерт объединяются в программе радио дня. Прослушать «Рабочую газету» во время обеденного перерыва, уловить в микрофон какую-нибудь интересующую нас новость, сыграть партию в шахматы «под оперу» — все это тысячи людей делают теперь почти машинально. Однако очень немногие знают, где, и в какой обстановке «фабрикуется» содержание ежедневной радиопередачи.

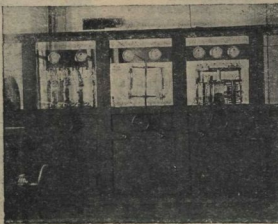
Мы приглашаем читателей совершить с нами небольшое экскурсию на Никольскую улицу Москвы — посещение общества «Радиопередача».

В СУКНАХ

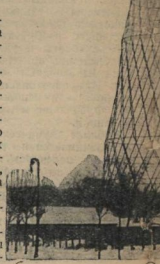
По длинному коридору я пробирюсь за шумливыми оркестрантами к небольшому залу в Никольскую улицу. У дверей усиленно машет руками крупная фигура администратора: «шш, шш» — и голоса конфузливо гаснут: не да них поставили этот чудесный белый ящик, перед которым с утра до полуночи поют, говорят, читают и пляшут.

Какая необычная обстановка. Три стены небольшого зала обвешаны толстыми сукнами, огромный ковер, почти во всю длину, подложен к столу, на котором стоит микрофон. Вокруг, по стенам — музыканты и артисты, разыгрывающие пьесу. Пробовали переадресовать драмы и медию прямо из театра, но выходило неважно; тогда стали каждую неделю устраивать передачу пьесы из студии. Отсюда звучит мамино лачуе.

Обстановка студии заставляет и позволяет прибегать к множеству условных приемов, которые в мирной обстановке очень странны. Ненего и говорить, что каждый драмат, точно на репетиции, в своем обычном костюме. Роли мальчишек почти сплошь исполняются девушками; Тома Совера играет немолодая уже артистка, — но «подает» с температуром. Когда Том и Бэтцелуэты, слушатели там за сотни, может

Новый передатчик станции. «Опытный передатчик НИИПТ».

Мачта радиостанции.

В УЗЛЕ

М. ГРЕНА

быть за тысячи километров отсюда — звучно чмокают губами в знак сердечного сочувствия. А я невольно улыбаюсь: я наблюдал, как Бэтти и Том читают свои диалоги по бумажке, помогая себе бесплодной мимикой и жестами, а молодой, чрезвычайно живой актер в дужный момент причмокивает в воздухе, на деликатном расстоянии от их лица. Он же ведет в этой пьесе целых три роли: судьи, гашащая и пастора; «регулирует» других артистов и хор, бесшумно бегая по ковру от одного к другому. Когда же радио-«зритель» восторженно вслушивается в журчание ручейка и представляет себе тенистые дубравы, он не знает того, что это просто-напросто летит по серебряной струйке вода из графина.

МОЗГИ И НЕРВЫ

Комната с небольшими окошками во внутренних стенах: одно — в большую, другое — в малую студию. Тихо, чинно плавают друг на друга стеклянными окошечками-глазами две невысокие, но массивные черные стенки, с кнопками, рычагами, контрольными наушниками.

Трудно себе представить, что стоит перед мощными усилителями, через которые должен пройти слабый человеческий голос, чтобы прозвучать могучим призывом ко всему миру с советской радиостанции. Но это действительно две группы усилителей: в каждой «стенке» — один основной, к нему запасные. Основной — один из лучших зарубежных типов «Вестер-Электрик», дополнительные — уже советского

производства. Крайнюю часть каждой группы составляет сигнализационный пульт, на котором важгаются цветные надписи: «большая студия», «трансляция», «малая студия». Под несколькими рядами кнопок, расположенных ниже, помещаются надписи для сведения чтецов, артистов и музыкантов, находящихся в студии: «начинайте», «тише», «громче», «дальше», «ближе», «осталось 5 минут», «кончайте» и другие. При нажатии кнопки такие же слова появляются на световых щитах, которые находятся в студии, в огневых красных рамках.

Между усилителями стоит небольшой телефонный аккумулятор, позволяющий аппаратной держать постоянную связь со станциями и пунктами передачи. В углу, на

стене — так называемая «панель выходов», под рычагами которых помещены названия всех наших станций. Все эти превосходные технические организмы — как и подобает настоящей силе — «держат себя» удивительно спокойно и скромно; можно только догадываться о том нервном напряжении, какое выпадает временами на долю двух наблюдающих за ними «аппаратчиков», внешне таких же спокойных и ровных.

РОНДАЕТСЯ РАДИО-ПЬЕСА

Своего рода «триюмф», всевозможные приемы создания иллюзий, рассчитанных на то, что аудитория только слышит, но не видит, — подводит к вопросу об особенностях радио-пьесы. Костюмов в студии действительно не нужно; и не все ли равно для слушателя, если вместо дорого стоящего искусственного фонана будет так же приятно журчать вода из графина? Ведь весь эффект построен на звуке. Но если так, то к чему же артистка, играющая бравого парнишку, так кокетливо драгает ножкой и делает влюбленное лицо? К чему прикладывать руку к сердцу и выражать свое горе такими трогательными гримасами, если их не увидит ни один человек, кроме своих же артистов да оркестров? Пова практически не разработано, следовательно, все эти мимические тонкости, столь важные для настоящей сцены, ровны ни к чему.

Артисты говорят, что у них иначе не выходит. Совершенно понятно — все сценическое воспитание строится на сочетании слова, жеста и мимики. Но еще не существующая в окончательном виде радио-пьеса ставит актеру и режиссеру новые требования, которые не так легко учесть при отсутствии опыта. Самому же трудному испытанию подвергается автор, — ему пужно заранее представить себе все выигрышные и, наоборот, неблагоприятные стороны звучания его будущей пьесы, если она рассчитана на передачу только из студии.

Маленькое редакционное совещание. Молодой, но уже довольно выдвинувшийся автор читает свою новую вещь, посвященную «второму духу подполью» Ровальду Амундсену. Артисты, которым придется руководить постановкой и вместе с тем играть главные роли, внимательно вслушиваются в каждую фразу. Потом — совместное обсуждение. Сколько времени может и должна идти пьеса? Достаточно ли она действенна, достаточно ли в ней богат звуковой фон и краски? Нельзя ли устранить длинноты, нестерпимые по радио? Не дать ли вот этот

интересный, но несколько однообразный монолог в нескольких «звучковых плоскостях»? Все участники очень довольны, когда им удается совместными усилиями еще и еще немного приблизиться к почти неизвестному типу художественного произведения, называемого радио-пьесой.

ПУСТЬ ИХ СОБАКИ ЛАЮТ...

С семи с половиной утра до двенадцати ночи...

Что за «антисоветский» рабочий день? Или на две смены? Не поймаешь. Работников радиоула можно видеть и утром, и днем, и вечером в хлопотах — такое дело. Со стороны — приходит и уходит, приходит и уходит. Целый день звучат инструменты и пение в репетиционных комнатах и в студиях, целый день болтают громкоговорятели. Маленькие оркестранты и известные музыканты, ученики профессора и заслуженные артисты, партийные и научные работники, пионеры «соптенгазетамы и видные экономисты с докладами о цифрах Госплана смеются перед микрофоном.

Программы радио-передач подвешены непрерывным измением на стенах, по газетам. Но в настоящее время в связи с переходом всего радиовещания в руки одного «хозяйина» — Наркомполтотеля — сетка передач перерабатывается коренным образом и с нового года проводится в жизнь. Но и старая сетка успела «в пелючки влезть» буржуазным правительствам, в бессильной злобе глядящим на успехи советского радиовещания. Говорят, что за границей во время наших передач ставят перед микрофоном сверху собак, чтобы они своими диким, нестерпимым лаем заглушали в эфире голоса наших ораторов.

Жалкая злоба. Пускай их собаки лают...

Аппаратная радиоула НКПТ, бывш. «Радиопередача».

Ровесник радиодвижения.

ЛЮДИ

И

Л Ю Д И Ш И

Очерк И. КУДРЯШОВА

... У нее шуба с ягуаровым воротником, шелковое платье...

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что вместо обычной прогулки на лыжах или на велосипеде по Сокольникам, вы сегодня вылетели на авиатке прогуляться по воздуху.

С высоты вы рассматриваете, что делается по Советскому союзу.

Вам видно, как бурлит и грохочет Волховстрой, как люди копошатся вокруг строящегося Днепростроя; большие, маленькие заводы и фабрики. На полях бегут, обгоняя лошадей, трактора. На задворках сел и деревень стучат молотки и шумят веялки.

С высоты хорошо видно людей, строящих новое общество хозяйства, а между ними, словно комары, суетятся, стонут «людюшки». Их гоняют, они вновь бегут с пинком, и опять их смихивает большая мозолистая рука. Не дают им пососать крови, попитаться чужим кормом.

Ну вот, вы спустились на землю, идете, посмотрите поближе на строителей социалистического Союза и кстаи на «людюшек» — ненужных на той колоссальной стройке.

1. МОЛОДЫЕ, НЕЗАМЕТНЫЕ ГЕРОИ

Над двухэтажным домиком в Зонточном переулке стоят мачты, опутанные паутиной проволоки.

Через ту паутину, когда трудовая Москва спит, комсомолец Гаврилов Коля разговаривает с Америкой, Азией и другими частями света, которые за «океан-морьями».

Коля знает, какое значение имеет радио в пролетарской стране, и поэтому, набравшись терпения, он из старья выбирает винтики, шурупочки, железки, балочки и строит коротковолновую радиостанцию.

— Знаешь, сегодня связался с островом Ява, — с восхищением говорит Коля, — слышимость-то какая. На ять.

Только упорное терпение могло дать такие результаты. Все свободное вре-

мя—для радио. Коля не замкнулся один, он еще работает и оборуудет радиолaborаторию в клубе табачной фабрики «Красная звезда».

У Коли нет свободного времени, как нет его и у Федя Воробьева, ученика рутченковского горпромуча, который отдает его циркулю, линейке и карандашу. Он изобретатель. Комсомольский изобретатель чертит, думает, как бы облегчить труд в шахтах. Он изобрел противопожарный аппарат, самооткидываель вагонеток и др.

А сколько таких незаметных героев по Советскому союзу?

На производстве такие же герои благодаря труду и терпению стоят впереди всех.

Вгляните хотя бы на кузовскую фабрику Вигоньстрета: помощник механика — комсомолец Сычев Семен, токарь — комсомолец Медведева Анисья, а разве мы не можем гордиться, что и на подмостках Гостеатра Оперы и Балета видна молодую балерину — комсомолку Чарюню Ириуну.

Молодежь помнит: «Владыкой мира да будет труд». И на всех фабриках и заводах идут своих героев.

II. УЧЕНЬЕ И ТРУД — ВСЕ ПЕРУТУТ

«Коммунистический союз молодежи», говорил Ленин, — только тогда оправдает свое звание, что он есть союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования будет связывать с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров».

Посмотрите, как честно комсомол выполняет эту задачу великого учителя.

За стеной у пишущего эти строки живет комсомолка Сквирская, работница фармазавода «8 марта». Вот ее рабочий день. В шесть с половиной утра она бежит на завод, где работает до 4-х вечера. Потом забежит в столовку, за едой заглянет в газету, и бежит на вечерний рабфак. В 11—12 ночи она дома. Надо подработать задания к завтрашнему дню. И только в два часа ночи с книгой в руках засыпает она, чтобы в шесть вновь быть на ногах.

Один единственный свободный день, который надо использовать для отдыха — воскресенье, уходит на занятия. Приходит товарищи по рабфаку, и слышишь за стеной:

— «А» плюс «В», «С» минус «Д».

Трудно, нет слов, заниматься на рабфаке и работать на заводе.

Комсомолы не считаются с этими трудностями и лишениями. Например на фабрике Московшвей № 4 работнице Матлина, учащейся на дневном рабфаке, пришлось поменяться с подругой, чтобы работать в ночной смене.

С каждым годом мы все больше и больше видим людей, которые поборили эти трудности и лишения, которые дают

уже свои познания Советскому союзу: в сельскохозяйственной лаборатории газеты «Единота», напр., работает научным работником агроном, комсомолец Терентьев Николай.

Шестьдесят девять человек окончили Институт имени Карла Либкнехта, из них сейчас семь работает в научных институтах, а сорок обучиваются школы фабзавуча в провинции.

Рыбалькина Шура — комсомолка, теперь аспирант I МГУ, работает в Ботаническом институте. Ее научная работа посвящена изучению молочнокислых бактерий. Каляев — комсомолец, работает в Микробиологическом институте Наркомпроса. Его первая научная работа опубликована в немецком научно-медицинском журнале.

И еще много таких напористых ребят, прошедших большую школу.

Писатель Григорювич правильно отметил:

«Ах, если говорить серьезно, учиться никогда не поздно».

А Ильич велел: «во-первых — учиться, во-вторых — учиться, в-третьих — учиться и затем проверить то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, к несчастью, особенно часто у нас бывает), чтобы наука входила в плоть и кровь».

Комсомолы выполняют этот приказ с честью, а «людюшки» заняты своим делом. Какими?

III. «НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ — ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ»

Пройдет может быть полгода, и Федька Милин будет наслаждаться чаем из никелированного самовара, любовно поглядывая на свою Анютку, и слушать хриплые граммофона «Гайда тройка».

Федька — комсомолец. Ему 20 лет. Работая на заводе, он имеет приличный заработок в 100—120 рублей.

Но в заводской жизни его незаметно, — отработал свои 8 часов и домой.

И как тяжело сидеть на собрании ячейки или на политкружке и слушать

Единственный свободный день—воскресенье— уходит на занятия.

об эксплуатации, когда из головы не выходит милая Анютка.

Осенью Федька поступил на общеобразовательные курсы. Первые две недели он аккуратно посещал занятия, а потом... потом Федька решил, что у Анютки сидеть куда лучше, чем слушать и думать, как разделить единицу на четыре части.

— Дробей не знаю, трудно, — говорил он после ребята.

И теперь, придя с работы, Федька спит часа два, а потом, обмотав шею синим с белой полоской шарфом и нацепив на руку часы, уходит «гужи тянуть» к Анютке.

— Ну, что ж ты у нее делаешь? — спрашивает его. — Читаете? В кино, небось, ходите?

— Гы-гы. — смеется он, прищурив и без того маленькие глазки, — никуда не ходим, а так сидим... да сам знаешь, чего делаем. Гы-гы.

Анютка — безработная, живет с братом, который обычно работает в ночной смене и домой приходит в 4 часа утра.

Вот до этого-то времени и воркует «голубки» — для того и часы надеваются на руку, — и потом Федька уходит к себе доспать пару часов.

На днях он получил комнату в жилищкооперации. Купил кровать с пружинным матрацем, комод, стол обеденный. Он очень жалует, что кооперация дала ему кредит только на 150 рублей.

— Ведь еще надо диван, тюлевые занавески, а денег нет! — жалуется он.

— А самовар? — напоминаю ему.

— И самовар будет, у меня расчет такой: скоро в Красную армию итти, так я думаю жениться, — рассуждает Федька, как большой, — по крайней мере придти из армии и квартира будет целая и обставленная, а у Анютки самовар очень хороший есть. Самовар она принесет. А кто знает, — хохочит он меня по плечу — может еще Гаврилка (ребенок) будет — льготу дадут. Гы-гы.

Из разговора с Федькой я понял: не перед уходом в армию он женится, а через месяц-два, так как уже она теперь частью у него ноует.

«Одному жить — сердцу холодно!» — и будет сердце согрето, и за тюлевой занавеской будет жить новый мешанин... «Людшики» шевелятся.

IV. „КОМУ БЫ СТУКНУТЬ?“

Вот уже подрад четыре часа этажом ниже подо мной Володька пилит на гармошке замызганную «Цыганку». Больше он ничего не умеет играть, разве начнет «Кирпичики», но на середине оборвет — не выходит.

Володька — «старый» безработный. «Работа дураков любит» — рассуждает он, и живет у «доброй» сестрицы на иждивении, которую он называет, не иначе, как «сурдянка». Она невратеничка и «ше любит выпить» на пару с Володькой.

Скрипеть «Цыганочку» наконец надоедает и самому игроку, и он «вылезает» на улицу.

Идет с ребятами по переулку гонять голубей.

Белые «чистяки», рыжие «турманы», «египетские», «борматуны», зобистые, трубастые — все это породы, знакомые Володьке.

Бегают Володька с веревкой и махает ею, присвистывая в ладоши, палкой стучит, призывая на голубей: «кысь-кысь», а те «ходят в кругах».

— Гляди, гляди! Пошел, пошел! К чужим! — кричат ребята.

У Володьки нет своих голубей и ему безразлично, чьи каких уводит. Ему бы покричать, побегать, дотянуть день до вечера.

Тогда он, заложив «информации»¹, — хозяин в переулке, вечером руки чешутся.

И когда слышишь в ночном сумраке крики:

— Бьют Володьку бьют!
— Кто? Где? Дай ему за меня!

Пожалуйста, не беспокойтесь, это Володька кого-нибудь «невзначай» стукнул по уху, а в ответ получил десяток хороших «банок».

На место «проешествия» не замедлит прибыть «урядники».

Он у меня пальцем никого не тронет! Кто тебя Володька? — обращается она к «братцу», от которого и след простыл.

Он на другом конце переулка затевает такую же драку, и опять: «Бьют, Володьку бьют!» — кричит уже он сам.

Так до поздней ночи он ищет — «кому бы стукнуть?»

Он далеко пошел бы, если бы милиция не остановила.

V. „АПЕНДИЦИТ“

Скучно Дорочке сидеть дома с бабушкой и с матерью. Не интересно. Дорочка записалась в клуб, а в клубе — в драмкружок. Как интересно волноваться перед выходом на сцену, еще интереснее, когда, под скрип подмостков, за картонным кутом сирени поделает милая Сержик. Как интересна «любовь за кулисами».

Теперь Дорочка ходит в широкой сиреневой блузе и подблескивает на груди «арфочкой» — знаком, совсем «синезубашка».

Сержик потерялся среди ребят, а чем плох Жоржик? Глаза один что стоят?

— Я ужоу на операцию! У меня апендицит! — заявляет однажды Дорочка.

Широкая блуза скрыла все.

Через месяц Дорочка завилась в клуб с «апендицитом» на руках.

Она рада, что ребенок весь «не нее» и что она замужем.

Сцены она не оставляет, и не раз еще уходила Дорочка на операцию, но на кратковременную.

— Довольно одного! — скажет она и по ее лицу разольется флакон красных чернил.

«Бедная! Как она мало жила! Как она много любила!»

Что ж подлазает? Раз человека интересуется «закондация в любви».

VI. „СЗАДИ, ДА В ТОМ ЖЕ СТАДЕ“

«Медмузаль» Варю совсем не трогает, что отец ее был кузнецом, братья убиты на гражданских фронтах, сестры — работницы и жены рабочих. Ей даже неважно, что порой матери есть нечего.

Вэри, как она называет себя, важно, чтобы у нее была шуба с ягуаровым воротником, шелковое платье, чулки и новые туфли.

Какое ей дело, что матери трудно жить на пенсию и на 40 рублей, зарабатываемые сестрой?

Ведь на то, что Вэри заработает на временной работе в Наркомшуги, она должна поехать на Кавказ со знакомыми инженерами и купить лакированные туфли в английском магазине.

У Тоси тоже лакированные.

... Купил кровать с пружинным матрацем, комод, стол обеденный...

— Ах! Господа, как красиво там!
— Морю, море, господа, прелестно! — рассказывает родственникам и знакомым Вэри, а мать обливается слезами: «Госпожа Вэри не дает ей ни копейки, разве в полгода раз выбросит красную и крикнет».

— Hai! И не приставай ко мне! Знаешь, что туфли мне надо, какая ты странная!

Туфли, манжор и туалеты мучают «Вар-вару», ведь нельзя притти в гости к подруге — жене инженера в старом платье и туфлях? Ведь там все общество из инженеров! «Медмузаль», «господа», «медла» — жаргон этого общества.

Дуси, Мэри, Вэри — «вороны в павлиньих перьях», нас предупреждают, что инженеры еще убивают себя «господина», хотя в зном обществе. И то хорошо. Будем знать!

«Людшики» живут, шевелятся, как тараканы, в шелках большой социалистической стройки.

Комсомол своим терпением, трудом и учебной выводит их в люди, а те, которые уже увязли по горло в мешанской трясине, сами утонут в ней — они и нам не нужны.

... Когда трудовая Москва спит, комсомолец Гаврилов разговаривает с Америкой.

¹ «Информация» — выписка.

История одного обвинения

(По материалам расследования редакции)

РУКОПИСЬ, НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНАЯ

В Одно из утр среди вороха других писем — дескать и пожелалки, а за праздник накапливается удвоенная порция «почты» — в редакцию пришла личья, туго набитый конверт. Из него была извлечена рукопись, написанная густыми фиолетовыми чернилами и ярко-выраженными женскими почерком. «О Черемухе» — так была озаглавлена корреспонденция. Это было неважным началом — рукопись могла показаться скучным подражанием «шпательной романовщины»...

«О ЧЕРЕМУХЕ»

— ЛЮБВИ нет, — решил А. Авдеев, се-кретарь «обедниной» чеховских за-водов «Пау и трактор»¹, и он почувство-вал себя легко и свободно. Но необходи-мо рассказать, что предшествовало этому.

Однажды зимним вечером, возвращаясь из кино с знакомой девочкой Маней, он предложил зайти в сквер и посидеть там немного. Наши девочку, сели. Говорили о кино, о клубной работе, о том, о сем. Авдеев собирался все что-то сказать, давно его интересующее, но робел и тер-зался в нерешительности.

— Пошли? — сказала вдруг Маруська, вставая. — Мне пора.

— Но он удержал ее, говоря:

— Погодите, Мурочка, куда вы, время еще детское.

Она осталась.

— Я давно хотел просят вас об одной вещи... — решился вдруг он, — но прежде спрощу — противны я вам?

— То есть, как это? — не поняла Маруська.

— Ну, могли бы вы мне скажем подари-ть... один поцелуй? Я давно хотел, т.е. думал... ну в общем хотел предложить... Тут он окончательно сбился.

— Поцелуй? — притянула она с под-черкнутым пренебрежением. — Какие глупости.

«Довольно тебе корчить невинность» — подумал он и, грубо притянув ее к себе, выпаял ей в ухо:

— Я хотел предложить... просить вас... ну, насчет сближения наших половых чувств...

Первой мыслью ее было — бежать; она рванулась, но он не отпустил.

— Ничего в этом страшного нет, вам самой будет приятно, — он говорил, поды-скивая самые любовные выражения. — Не бойтесь, куда вы бежите, я не с'ем. А я уж и место нашел — вон в той церк-ви, — я смотрел, так никого не бы-вает по вечерам...

— Пошел к чорту, пусти! — почти крикнула девушка.

— Я не знал, что вы такая недотрога, а то бы не стал связываться... И что это за обычай у вашей сестры — ломаться? Разве я прошу каждый день? Мне ком-сомольская работа не позволяет этого... Достаточно встречаться... ну, хотя бы... раз в неделю, по субботам.

Она уже не рвалась, а сидела, с отвра-щением глядя на него...

— Какие бессовестные эти ребята-комсомольцы. А потом сам же будешь

Однако было в рукописи и другое, не-что особенное, опровергающее это пер-вое впечатление о ней... За заголовком следовало изложение, по форме наиболее близкое к рассказу, но точное указание имени и других признаков действительно существующего человека, фигурирующе-го в качестве героя «рассказа», но, при-писанная в конце его и кроме того... прило-женная фотографическая карточка, на обороте которой была проставлена та же фамилия, что сообщалась и в тексте «рас-

сказа» — все это говорило о том, что перед читателем не просто рассказ — бо-лее или менее правдивый вымысел, а рас-сказ — разоблачение и.

Автор лишь сделал удобочитаемыми сообщаемые им факты, придав им худо-жественно-литературную форму, от са-мих же фактов он не только не отказы-вался, но настаивал на их расследовании.

Ознакомился же и ты, читатель, с тек-стом этого произведения, чтобы воору-женный полным знанием обстоятель-ства ты смог быть активным, знающим с изложением последующих событий.

— Знаешь, — начала она, — а здесь можно устроить отличный тир. Смотри, какие отвесные стены. Как мы себе шею не сломали, когда спускались... Весной обязательно проведем сюда экскурсию стрелкового кружка, правда? А здесь можно повесить мишени, — проговорила она, вставая и осматривая дерево.

— Да... — рассеянно ответил он, а сам все оглядывался по сторонам.

— Как ты не боишься ходить одна с ребятами? — вдруг зловеще сказал он, угрюмо глядя на нее, и ей похлынула в этих словах угроза.

— Чего же бояться, ведь ты же — комсомolec? — ответила она, подчеркивая последнее слово.

— А если я тебя... ну, как это гово-рят, изнасилую? — И он схватил ее за руки. Стоит ли говорить, что душа у Маруськи в этот момент ушла в пятки, но женский инстинкт подсказывал ей, что надо все обратить в шутку, не по-казывать своей слабости и страха.

— Что-о? Молод еще! Скажет тоже.

— Может ты думаешь, что я с тобой не справлюсь... — и он взяв ее на руки и положи на снег... Она не боролась, сразу почувствовала железную силу его мускулов.

— Ну, что ты будешь теперь делать? — говорил он, удерживая ее, взял ее обе руки в одну руку, а другой рукой бесцеремонно тискал ее...

«Сволочь! Мерзавец, пользуешься своей силой!» — хотелось крикнуть ей, но она только с ненавистью и презрением смотрела на него, все дрожа от ужаса.

Интересно только, как и где мы с тобой встретились после этого...

— Известно где — в милиции...

— Неужели ты подашь в суд? — с искренним изумлением сказал он.

— Вершь, не подашь, я знаю девчат, — те-бе будет совестно, будешь меня умолять: «только не рассказывай никому»... Тебе же будет хуже — ты ведь ничем доказать не можешь, а славу про себяпустишь.

Мне что — стал и пошел, ты — дев-чонка, постыдишься говорить!

— И это комсомолец! — мне себя вскрикнула она. — Я знаю, ты думаешь, что я не докажу — ничего подобного наука знает теперь такие способы, не успеешь ты еще выбраться из леса, тебя тут же арестуют, а там уж врач устано-вит, виноват ты или нет. И посадят год-ка на три...

— А я скажу, она сама меня звала, на-доела даже, как приставала, я и... — она не докончила, увидев что-то впереди себя. Мгновенно вскочил, схватил ее за руки и поднял на ноги. В недоумении она

позорить. А если будет ребенок — куда я денусь? Сволочь ты.

— Позорить! Ничего подобного. Прежде всего я отношусь к женщине, как к товарищу... А что вы говорите насчет ребенка, то для чего же и существуют у нас больницы? От этого избавиться всегда можно... Ну, Мань?... — закончил он, просительно глядя на нее в глаза.

— Сволочь ты! — повторила она, вско-ничла и пошла, не прошившись...

Прошел месяц. Почти ежедневно полу-чала Маруська неграмотные, но чувстви-тельные письма. Но ничего не действо-вало: она не хотела разговаривать с Авдеевым, а при встрече делала вид, что не замечает его... Но было одно обстоя-тельство, которое неминуемо должно было оставить их заговорить: он был выбран председателем, а она секретарем стрелкового кружка. И совместная ра-бота заставила их забыть это. Однажды у Маруськи исчез из кармана блокнот; она поискала и уже решила, что потеря-ла. Но через несколько дней блокнот очутился в том же самом кармане. Он был весь исписан признаниями в любви и страстными стихотворениями, в кото-рых было мало рифм и совсем не было ритма, но которые зато изобильовали та-кими выражениями, как: «безднащая лю-бовь», «жесткое сердце», «отвергнутое чувство», «несчастный мальчишка» и много других. И везде автор просил прощения и товарищеского участия к себе... И (ведь сердце — не камень) Маруська согласилась в одно из воскресных отпраздничать погулять с Авдеевым. По-ехали за город — в Останкино. Долго гуляли по парку, обошли кругом и осмот-рели старинный дворец. Прошли поле и углубились в лес. Яркое светило солнце, которое уже предвещало близкую весну. Стайки синиц и снегирей весело прыгали по снегу и сновали среди обтаивших, черных ветвей деревьев. Звук капели по-пасту и крики птичьих стаек веселым шумом наполняли залитый солнцем лес. И оттого было весело и Маруське.

Тропинка неожиданно кончилась. Впе-реди был глубокий овраг, на дне которого виднелась занесенная снегом речка. Вдруг Маруська заметила, что Авдеев оглядывается кругом и как-то странно смотрит на нее... Инстинктивное чувство, доселе неизменно подсказывало, что здесь ей угрожает опасность...

— Вон видишь — деревцо? Там и сид-дем, — сказал Авдеев.

На самом дне оврага действительно лежало большое поваленное дерево. Сели.

¹ Подлинная фамилия комсомольца и название за-вода, указанные в оригинале рукописи, здесь заме-нены другими по соображениям редакции.

оглянулась — прямо на них, шагах в 50 мед по берегу занесенной снегом речки какой-то охотник с винтовкой в чехле и собакой...

★

Настал июнь. Авдееву однажды удалось увидеться с Марусей. Не стоит описывать его путаный длинный рассказ, где он уверял, что ничего не желает ей плохого, любит ее до гроба, что все, что было до этого часа — шутки; дескать раз просит прощения и умоляет о дружбе с ней. Просил выслушать его последние слова, сходить с ним в воскресенье куда-нибудь. Жалость ли к нему, или еще что заставило ее согласиться.

Когда ехали за город, он ничего не говорил. Сошли с автобуса, сели в лесу на палыто, которые он заблаговременно... Он нагнулся и шепнул ей не-

сколько слов, она вслушалась, глядя на него широко раскрытыми глазами, и вдруг закрыла лицо руками, упала на землю и громко плакала. Девочка заплакала... Ей было не приходится переносить такого оскорбления, какое услышала от него...

Погода была замечательная, ясному под ногами, куда ни взглянешь, белели колокольчики ландышей, над головой образовался свод из зеленых ветвей черемухи, усыпанных длинными кистями цветов...

★

Конечно, как и следовало ожидать, Авдеев после этого ничего о себе не упоминал, и может быть на этом и кончилась бы эта история. Но однажды в сентябре он заявил к Марусе. Он сказал, что соскучился по ней не как по това-

рицу, а как мужчине по женщине. Далее следовало соответствующее предложение... Девушка была возмущена...

Тогда он сказал:

— Ты можешь думать, что я правду люблю тебя? Любить нет. Мы стремимся к социализму, а при социализме любви не будет, — глубоко убежденным тоном доказывал он.

«Не нова твоя теория, товарищ», — хотела сказать она, но решила, что это ни к чему.

★

Наше дело — сообщить факты. Но может быть партийная и комсомольская ячейки завода «Плуг и трактор» обсудят эту заметку на общем собрании и сделают соответствующие выводы.

М. Панина

ЯЧЕЙКА РАЗБИРАЕТ

ЗАМЕТКУ Паниной редакция сочла необходимым довести до сведения ячейки и настоять на расследовании изложенных в ней фактов.

Дальнейшим повествованием мы освещаем ход этого любопытного «дела» — любопытного не только теми разоблачениями, которые последовали в результате его, но и теми колебаниями, которыми было обозначено его расследование.

ЗАЧИН ПЕСНИ

Как только ячейка завода «Плуг и трактор» получила от редакции заметку об Авдееве, у секретаря общезаводского коллектива возникло недоумение.

— Может ли быть? Авдеев — один из лучших секретарей ячейки, и вдруг он будет не по-комсомольски обращаться с девочкой. Неужели это так? — И он с оттенком недоверия и как бы принужденный к этому соглашался с настояниями товарища, командированного «Сменой», что заявление, хотя и на «лучшего комсомольского работника», все же поступило, и что об этом его молчание нельзя.

— Я не знаю, что делать? — продолжал недоумевать секретарь. — Девочка вернула сама к нему навязывалась. В общем, — отказываясь от прямого ответа, сказал он, — мы посмотрим. Я побеседую с другими членами бюро, и тогда мы выясним, как бы!

Некоторые члены бюро также с недоверием отнеслись к заметке и поговаривали:

— Авдеев такой хороший работник, и вдруг такие вещи будут делать? Нельзя этому верить. Должно быть не так было, как сказано в заметке.

Но красноречивая прямота заметки и формальная необходимость дать на нее ответ принудили ребят созвать экстренное заседание бюро, хотя бы для того, чтобы разом покончить с делом.

Это собрание бюро было необычно для завода. Многие пришли раньше назначенного времени. Пришли также взрослые партийцы и активные комсомольцы, но члены бюро.

Как только комната наполнилась ребятами, начались толки о заметке. В первый момент преобладало простое любопытство. Многие интересовались не столько обвинением, предъявленным Авдееву — оно казалось заранее опровергнутым — сколько хотели своими глазами увидеть то «птицу», которую решила так «судожественно» опозорить парня.

Неужели это написала простая работница? Вероятно какая-нибудь «маменькина дочка», которая сама небось приставала к Авдееву... а может быть досужий

репортер редакции раздул историю и вовлек девочку в рискованную авантюру?

Через некоторое время в шумную комнатушку ячейки скромно вошла девушка. Она смущенно пробралась в угол и присела там на край скамьи. Изредка она поглядывала на ребят.

Ребята в свою очередь взглядели на простого рабочик облик девушки, и все же недоумевали.

— Неужели эта самая Панина? — И один из парней не вытерпел и подошел удостовериться:

— А это ты Панина. будешь?

— Да, моя фамилия Панина, — подтвердила девушка, опустив голову.

ДВЕ РЕЧИ

Начавшееся собрание заметно подтянуло присутствующих. Дело, каким бы оно ни казалось, включенное в повестку дня, сосредоточило комсомольцев, верных чувству дисциплины. Товарищеская внимательность к девушке — комсомольский коллектив демонстрировал и рассматривал дело. Однако это внешне-подчеркнутое стремление оставалось в противоречии с боковым глубоким досадным удивлением девочки, взявшей на себя смелость отнимать у них время, пытаясь обвинить хорошо им известного товарища на основании его же сочиненного «рассказика». И это рождало у многих чувство, будто Панина, обвиняя Авдеева, в чем-то обвиняет и их самих.

В такой обстановке Авдеев чувствовал себя связанным. Это был крепко сложенный белокуры паренек. Упрямо свисающий над его лбом хохолок выдвигал в нем решительный и властный характер. Возмущение и досада смешивались на его возбужденном раскрасневшемся лице. Он часто ухмылялся, покачивая при этом головой и как бы говоря: «Вот потеха! И чего только могут выдумать!»

«Закончилась (для ознакомления всех) чтение заметки, иногда оно прерывалось ироническими улыбочками и репликами, но в целом оно несколько настроило присутствующих против Авдеева.

Первое слово получило... Авдеев. Он оправдывался, его речь была построена на элементарных отрицаниях. Поочередно он анализировал на каждом факте в заметке, Авдеев говорил:

— Это не было... Это неправда... Это враки...

— Я познакомился с Маруськой, — заканчивал свою речь Авдеев, — в клубе дружного района. Там она была секретарем стрелкового кружка, а я председа-

телем. Я болел за работу в клубе, — являлось поднимал он свой голос. — Это могут подтвердить все товарищи отсюда и сама Маруська. Она тоже хорошо работала, и я любил ее за эту работу. Я ее изнасиловать не хотел! Маруська, — озлобленно бросил он на нее взгляд, — скажи, я хотел тебя изнасиловать? Это враки. Ты написала мне письмо, что я хороший парень, что лучшего парня ты не встречала. Да, ребята, — обратился к собранию Авдеев, — я иногда бываю груб к девушкам, могу грубо пошутить, как бываю груб и на работе, но то, что я хотел ее изнасиловать — это, повторяю, враки. Я с тобой гулял, — снова он вопросительно уставился на девушку, — знал тебя, как товарища и друга; я прекратил с тобой гулять по той причине, что перегружен на заводе, а все то, что ты пишешь — это выдумки. Ты просто хочешь мне отомстить за то, что и бросил с тобой гулять, Твое заявление — это позор для парня, который все отдался работе.

Речь Авдеева на постороннего слушателя могла произвести двойственное впечатление. Были в ней и подозрительная смелость с развязностью и подкупающее волнение оскорбленного человека. Но ребята, они ведь знали Авдеева, работая с ним изо дня в день, и у них не могло быть двух мнений...

Вслед за Авдеевым получила слово Панина. Было замечено, что она — эта нелепо незнакомая девушка, еще неизвестно по каким мотивам «преследующая» Авдеева — моментами испытывала страдания, и чтобы не быть голосовой, вынуждена была обнажить самое интимное в ее былых встречах с Авдеевым. Закончила она свою речь следующими словами:

— Товарищи, Авдеев меня упрекнул в том, что я пришла ему отомстить за то, что он перестал со мной гулять. Это не верно. Не в этом дело, товарищи. Я пришла для того, чтобы заявить и почитать комсомольцам и партийцам, как еще комсомолец относится к девушке. Я не хочу сказать, что только Авдеев так смотрит на девушку, как на животное, а еще многие комсомольцы... По-моему «Авдеевых» надо не исключать из комсомола, а показать им их дикость, пересмотреть их, чтобы они знали, как относиться к девушке и как уязвить свою психологию по пребыванию в комсомоле — без этого нельзя обойтись.

«Стороны» — необходимый истец и не вполне обычный ответчик — высказались.

Как определить правдивость их показаний и возражений? Волнение и возбужденная нервозность прозвучала в речах и того и другого.

И вот была открыта дискуссия.

Что же сказали члены бюро ячейки?

(Окончание в следующем номере)

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ

НЕСМОТЯ на то, что время уже 11 часов, комната не прибрана. Везде сор, на столе грязная посуда, корки хлеба. На постели лежит заспанная, расстелпанная девушка. Она «мечтает». Это делается ее ежедневным занятием. Мечтает она о «красивой жизни», о той жизни, которую показывают в кино в американских картинах. Балы, толпы уажеров, наряды самых новейших фасонов — вот предмет ее мечтаний. Мысленно она уносится все дальше и дальше... Вот она едет в собственном автомобиле... Рядом — изысканный молодой человек, серый азиатский костюм складно сидит на нем, в одной руке у него ее сумочка (какой любезный!), в другой — букет цветов... Он говорит ей о своей любви, он готов отдать ей все свое богатство... Она будет женой американского банкира...

— Анка, поди принеси дров, — кричит из соседней комнаты мать. В раскрытую дверь врывается шипенье примуса и плеск воды. Мечты разлетаются, как дым, но вставать неохота. Она притворяется, что спит. На пороге появляется мать, с засученными рукавами, вытира мыльную пену с рук о фартук.

— Долго ли ты будешь драться, — сердито кричит она. — Мать с пяти утра покашляла, гнетесь над котелью, разу еще не присела, а дочка зная дрывается. Анна, тебе говорю, вставай, двенадцать час. — Не добившись толку, мать оставляет ее в покое.

— Ведь сегодня воскресенье, — вспоминает Нюра, — Аркадий придет.

Она встает, подходит к зеркалу. В дело идет помада и пудра. Она целиком ушла в это занятие. Она всеми способами старается прилечь себе облик своего идеала, быть хоть чуточку похожей на него... А идеал ее — быть бледной и худощавой. Чего только не делала она для достижения этого: и уксус пила, и курить привывкала... Не помогает... Не помогает. Из зеркала на нее смотрит толстое круглое лицо, яркие щеки лоснятся даже под пудрой. «Какая я несчастная! — думает она. И в десятый раз принимается пудриться, подводить глаза и причешиваться «к лицу». Это повторяется ежедневно. Проводив мать на работу, она обыкновенно валяется часов до 12. Потом встает, поудряется, проделает перед зеркалом ряд улыбок: грустную, мечтательную холодно-презрительную... Подойдет к стене, где вверху расположены фотографии кинозвезд всех стран света. Полобуется, перевычит их, прибивая ее иногда новую карточку. Любимая ее «звезда» — Диллан Гини, она имеется у ней во всех видах. Стать «богатой» ничего не делать, развезать лишь по балам да по театрам — вот ее мечта. Об этом рассказывают кинофильмы, об этой «красивой жизни» мечтает она, немигающими глазами следя за светлыми

звраном. Ей не хочется работать на производственной, другая жизнь влечет ее. Училась кройке и шитью — надею, бросила. «Выйти замуж за богатого» — вот цель ее жизни. Новое платье, туфли, вечерка, новый фокстрот, очередной «молодой человек» — вот узкий круг ее интересов.

Сварив на примусе обед к приходу матери, она то и дело поглядывает на часы... По мере приближения стрелки к 4 часам она начинает нервничать. Просыплет пудру, сожмет шампанские волосы. Вы думаете это в связи с ожиданием прихода матери? Нет, не это ее волнует... Ровно в 4 часа, предвременно наудрившись и несколько раз оглядев себя в зеркало, она садится на подоконник, держа в руках книгу стихов Надсона. Она придает лицу самое мечтательное и задумчивое выражение... Вдруг во дворе под окном раздаются шаги... Это возвращается домой радиотехник Аркадий. Она делает вид, что не замечает его, лишь приподнимает слегка книгу, чтобы ему видно было, что читает она Надсона. «Чудно пишет», сказал раз Аркадий про него. С тех пор Надсон неизменно оказывается в ее руках, как только она попадает ему на глаза.

В течение долгого времени мечтала познакомиться с ним. Удалось. Даже больше — он начал «мазать» за ней... Раз была в кино. Ей кажется усталость заинтересовал его. Чуть было не испортило дело Петька — братишка. Не заметила, что он сидел позади них... Началось кино, а он шепчет: «Анка-а, Анка!

Дай пятачок. Анка... При знакомстве она назвала себя не Анна, а Ада... Больше всего ненавидит она свое имя.

— Разрешите как-нибудь зайти к вам, Ада? — просил Аркадий. — Ада... какое красивое у вас имя... Вы русская?

— Я итальянка... — отвечала она. Тут корот дернул Петьку за язык (вот дрянной мальчишка):

— Рязанской губернии... — ехидно добавил он за спиной и для безопасности перебрался на другой стул.

Аркадий кажется не заметил. — А почему же у вас фамилия русская? — поинтересовался он.

— А у меня отец русский, а мать итальянка.

Когда вернулась в тот день домой, Петька с матерью пила чай.

— Мамка, а она у нас — американка, — сказал он, указывая на нее. Хотела надарить уши, но неудобно было при матери.

Сегодня «он» должен прийти. Мать вечером собралась куда-то уходить... «Ее раздумала бы», с трепетной думает Анна, отрываясь от зеркала и отходя к комнате. Какой беспорядок! Наскоро собирает все со стола, подметает под, обертывает розовой бумагой лампочку. Пускай будет розовый свет — это так поэтично. Целый час пудрит и надевает то черное велветовое, то голубое креп-де-шиновое платье. Которое из них лучше — не может решить. Оставаивается на черном — в нем она будет казаться тошнее... Повертывается несколько раз перед зеркалом. Под окном слышны шаги. Разваливается на диване в непринужденной позе, закуривает папиросу... С непривычки немного кружится голова, но она знает, что от этого она становится бледнее... Аркадий входит. Медленными усталыми движениями руки (совсем как в кино) она приглашает его сесть. Разговаривают о кино, о стихах Надсона. В ее глазах мечтательность и темность...

— Вам нездоровится? — участливо спрашивает он.

— У меня чихотка в третьей стадии... Вы разве не знали? — умирно-цим голосом отвечает она... — Не долго жить осталось...

Разговор пролонгируется в том же духе... Выйти замуж — единственная цель всей ее жизни. Но для этого прежде всего надо быть «интересной»... А быть «интересной» по ее понятию это значит быть бледной и тонмой... Заботы о своей внешности, мечты о «красивой жизни» отнимают все свободное время.

Она не интересуется общественной жизнью, не состоит ни в клубе, ни в каком-нибудь кружке. Если она когда-нибудь и вступит в комсомол, то лишь потому, что ей покажется, что к ней «идет» конгитурм и красный платок... Она не одна, таких много. И хуже всего то, что таких много и в рабочей среде.

(Москва)

М. Зорка

Разваливается на диване в непринужденной позе, закуривает папиросу.

КАРЬЕРА ФЕДИ ЖЛОБА

ДРУЖЕ, устрои ради Христа на работу подателя сей записки — сына моего квартирного хозяина. Прогоняй я в преферанс службу для этого сморача. Так ты его светомодом вмажь куда-нибудь из статистиков.

Звони по номеру 74-54, у меня абонемент на междугородный.

Твой друг Н. Каратыгин.

Дорогой папа!

сегодня первый день работал. Публика в канцелярии паршивая. Пришли мне пожалуйста ластик на рубашки, что на второй полке у витрины. Я заложил под молкских.

Любящий сын Федя.

Дорогой папа,

в профсоюз приняли. Можно бы и в комсомол, да боюсь стаж для служащих велик — 1½ года. У меня другой планец. При свидании сообщу.

Любящий сын Федя.

Заведующему механическим цехом

Ф. Жлоба

Заявление

Прошу предоставить мне возможность, как интересующемуся, работать безвозмездно в механической мастерской. Отказ будет для меня ударом.

С революционным приветом
Ф. Жлоба.

...Ты почему же не извещаешь, получил ли ластик? Да будь там осторожнее: запомним, что пишешь в анкетах...

СПРАВКА

Выдана Ф. В. Жлобу в том, что он участвовал в сборке и ремонте фрезерных станков.

Пом. мастера С. Моисеев.

В секцию металлостов Центр. биржи труда

Ф. Жлоба,
сборщика фрезерных станков

Заявление

Прошу послать меня на работу вне очереди, т. к. я особенно нуждаюсь в ней. О квалификации прилагаю справку.

С пролетарским приветом Ф. Жлоба.

... Как рабочего приняли меня в комсомол...

Иван Никанорович,
все равно у нас сборщиков нехватает,
пошли его.

А. Г.

ворит — спотыкается. Есть у нас в бюро
куда лучше, чем нынешний секретарь.
Предлагаю переизбрать его до срока.
Кинкор Шиловбоков.

Служебная записка

Сергей Степанович,

тут прислали мне с биржи сборщика. Ни
уха, ни рыла. Дайте ему разбирать чего-
нибудь или на уборку поставьте.

Ярошкин.

Дорогой папочка,

как рабочего приняли меня в комсомол
без всякого стажа, прямо в члены. Пау-
рны здесь не достать, сплodeжду из
бизи шют. Сообрази там, ведь у тебя
запас...

Любящий сын Федя.

Слушали:	Постановили:
О распределении нагрузок среди новых избранных членов бюро.	Тов. Жлобу Ф. поручить работу агитпропа ячейки ВЛКСМ.

Даешь новые перевыборы!

...Секретарь нашей ячейки слабоват.
Грамотность у него не очень и когда го-

Заведующему Сборочным цехом
от Ф. Жлоба,
сборщика

Заявление

Прошу с 13-го числа считать меня уво-
ленным, т. к. я избран освобожденным
секретарем базовой ячейки ВЛКСМ.

Примите и проч. Ф. Жлоб.

Дорогой папа,

получаю сто двадцать. Скоро пере-
даю в кандидаты партии. Не думал я,
что все так здорово получится...

Любящий сын Федя.

...Запарился я, Федя, с приказчиками.
Судился вчера и сегодня весь день. Ты
бы в магазине было, все бы легче работать...

Дорогой папочка,

Осенью, как в члены ВекПаГеБе пере-
ведусь — приеду домой. Как-нибудь до-
терпа, а там дела наладим. Пришли мне
пожалуйста правила приема в вузы.

С комприветом

Любящий сын Федя.

А. Кромая

(Москва)

БУМЕРАНГ

I

НИКИТА Петрович Туалетиков — ком-
сомолец с пятилетним стажем, и вот
уже год, как он спокойно проживает в
бывшем имении отца; ныне это — сель-
скохозяйственная коммуна «Разруха».

Если бы не тетушка, мать Матрехина,
имя полученное ею при пристрижении в
игумень, не видать бы Туалетикову имения, как своей спины.

Любопытно, товарищи, проследить, как
совершила Туалетиков этот путь буме-
ранга. Какими судьбами он — сын кулака,
окомсомольщика, снова очутился в ро-
дительском гнездышке.

Двенадцать лет было Никеше, когда ба-
тюшка его, Петр Михайлович, скончался,
не выдержав тяжелой потери собствен-
ности. Мало что понял тогда Никеша из

предсмертных родительских наставлений.
Несмышленный был.

Но только и тогда уже пятнадцатилет-
ний «сиротинушка» смекнул, что надо уда-
литься от бывшего дома родителей, что-
бы потерялся его след, как сына бога-
того кулака, и чтобы вынырнуть в другом
месте, войти в доверие и там ширь и
высь вершить свои дела.

II

Пробывши в детдоме два года, наш сирота определился на завод подручным слесаря.

Работает месяц, шесть месяцев, с виду
весел, парень-передовик.

Однажды, разбравшись в сумочке, захва-
ченной из дома, он наткнулся на полу-
истертанную маленькую книжонку. На

корешке ее расшвырившимися по картону
чернилами было коряво написано: «Тот
выживает, кто к жизни более приспособ-
лен». Эти слова Дарвина можно вполне
принять к руководству. Петр Михайльч
Сильнов. 5.VII — 1912 г.»

И вспомнилось Туалетикову его детство,
вся хуторская жизнь и суровое лицо отца.
Вспомнилась также и тетушка-игуменья.

«Где-то она теперь, — задумался Туалетиков. — Поди всякие невзгоды терпела, а ее
памятичек уже приспособился. Слесарь
Туалетиков уже и в комсомол принят».

И Туалетиков развеселился.

III

Пусть не сердятся читатели, что они
автором введены в маленькое заблужде-
ние: отец Сильнов — сын Туалетиков.

Автор спешит раз'яснить это любопыт-
ное обстоятельство.

В тот момент, когда Туалетиков был заблужден приведен в детдом: он, положив случайно руку в карман, тотчас же ощутил утерю вещицы — кусочка туалетного мыла — и готов уже был заплакать, но тут же услышал обращенный к нему вопрос: «Как тебя звать, малец? Фамилия твои?»

И неизвестно кто толкнуло его к тому, но он, почти не задумавшись, ответил: — Меня звать Никита Туалетиков. Родителей своих я потерял. Где они, не знаю.

Так в Советском союзе родился новая фамилия — Туалетиков.

Только все это было давно, а теперь...

IV.

...Теперь он... товарищ Туалетиков, энергичнейший активист. Без него ни одно собрание не обходится. За всякую работу он берется охотно.

Он и член МОПРа, и член Осоавиахима, и ОДН, даже член шефской комиссии.

Ведем он ведет наиболее подходящую работу — роспись.

Но тише... автор слышит приближающиеся шаги и голос Никиты Петровича.

— Понастроили тут разные кружки, ячейки, комиссии, подкомиссии, на чорта они нам дались...

Это громко, а про себя: «А здорово все-таки я одухов верчу, можно сказать за нос вожу. Например, сегодня скажут на своем: выгнали парня из комсомола. Потому, не иди против меня, не подкальвайся. Я кто?». Я член бюро общезаводской ячейки, председатель агитпропа. Со мной... трудно бороться. Со мной, девять

лет было, а помнит. Попробуй он теперь заикнуться, слушать не станут: не марая честное имя Туалетикова, активного работника. Однако надо ухо держать востро.

Чистой. Постой! — перебивает себя Туалетиков, — дай вспомнить, что ты оговори, будешь бы в имени моя тетушка устроила коммуны...

Неужели правда? Тогда я поведу. Тсс... поеду хозяйничать.

Вечером Туалетиков строчил письмо. «Добрые времена, тетушка.

Благополучно ли живете? Ни слуху, ни духу от вас. Можно было предположить, что вы представляли божу. Я, вестимо, на комсомольское звание, верую в единого господа бога. Днем конечно нельзя, а ночью перед сном, когда один, я всегда читаю господни молитвы и имею некоторый успех в лице других комсомольцев. Живу отлично и занимаюсь по своему разуму различной работой. Знание рабочий-комсомолец мне нужно лишь для продвижения вперед.

Остаюсь той племянник Никита Петрович Сильнов, в настоящее время Туалетиков.

Пока не придет ответ, скажем кратко о тетушке Матрехин.

V.

Тетушка Матрехия, или Авдотья Михайловна, выбывши из монастыря, лихо заработала на братцевом имени. Почуя выгодное дело, она взялась за устройство сельскохозяйственной коммуны и, собрав кое-кого из оставшихся монашек, исклю-

потала для себя владение брата. Снаружи коммуна, изнутри — чистый монастырь. Зоркому постороннему глазу есть где отдохнуть. К его услугам красной уголос с двумя-тремя портретами вождей, с одним столом и тремя стульями, стоящими посредине комнаты, и четырьмя скамейками, расположенными по стенам. Вот и все, что можно увидеть в этом чистом «красном уголке».

Благодаря усердию Авдотьи Михайловны не проходит ни одного советского праздника, чтобы не вывесить флаг и не запереть накрепко ворота...

Не прошло и недели, как Никите Петровичу с утренней почтой принесли давно желаемое письмо.

Схватив его дрожащими руками, он посмотрел на почтовый штампель и только после того осторожно обрезал ножки цаяи.

«Неоцененный мой племянничек, Никешенька. Да продлится твоя жизнь на земле.

Приезжай скорей. Для тебя лично старался сохранить кое-что в целостности и сохранности.

А на Фельду плыви. Не связывайся с сыном бывшего батрака. Они в комсомоле сынам обиженных отцов только мешают работать. Приезжай скорей.

Твоя тетка Авдотья Михайловна Сильнова».

И на другие сутки вечером Туалетиков твердо заявил секретарю ячейки, что он окончательно и обдуманно едет для работы в деревню.

П. Камынский

(Егорьевск, Московской губ.)

Два письма

ТРЕТЬЕГО дня ко мне пришла подружка, текстильщица; вид у нее был серезный и немного растерянный.

— Здравствуй, — сказала она, — я тебе принесла что-то, только оно ровненько...

— Как так ровненько? — возмущенно вырвалось у меня. — С ума ты сошла, Ксения?

Она помрачнела еще больше и села в самый угол на подраыванный диванчик:

— Не сходил я с ума. А украла я у частной соседки, докторши; показала она мне сперва со злорадством эту вещь, говорит: вот какое вы, рабочие-крестьяне, дубье. Темноту развели по всей стране. На руки мне вешичку не дала, а пошла дальше показывать: к одной генеральне старой, к колбаснику с Охотного. Вот я и стащила. А как девушка и необразованная, тебе принесла, чтобы вместе обомогавать.

Помолчав в ответ на мое молчание, Ксения вытаскала из кармана два сложенные четвертушками листка бумаги и бросила их мне на колени.

— Обыкновенные письма, — объяснила она.

Я беспомощно поглядела на нее:

— Частные письма, Ксения? Без контрреволюции, без уголовщины? Какое же мне право...

Тогда Ксения справедливо обомозилась.

— Читай! — почти прикрикнула она на меня. — Обмозгись. А я, как девушка необразованная, плакала.

И я стала читать.

Я не верила своим глазам и едва улавливала смысл.

ПИСЬМО 1-е

Тифлис, 1 октября 1928 г.

Доброе здоровье, дорогая благодетельница, тетя Маш!

Прежде чем начать об моей просьбе от Вас, то первым делом, я и мои родители, также сестра и брат из всей души просим прощенья о том, что не пишем писем, хотя один ваш брат заведует, где мой папа служит, но вы скажете, что это случилось, что вдруг написали письмо, но извините необходимо сейчас написать хотя мы очень часто вспоминаем Вас, но не пишем писем, но с уважением помним, какая Вы были богата. Итак поклон от меня, мамы, папы, Вани и также тети Поли, Эмочки и вам и к вашей всей родственнице. Милая тетя Маш, если желаете узнать о нашей школе, то я уже вторую ступень окончила с удовольствием, могу сообщить, что я поступаю на медицинский техникум и мы проходим здесь уход за больными и слесей нет ученика. Уход за больными, который необходимо иметь, так как до конца курса проходит этот предмет, и я очень и очень прошу вас, хотя беспокою, чтобы вы купили учебник, которое называется Уход за больными автор «Канель», но не другой. Милостивая, тетя Маш, я уверена, что вы получите письмо не откажитесь и постарайтесь исполнить мою просьбу. Милая дорогая, высокопочтенная, тетя Маш, пока прощайте и будьте здорова, я целую Вашу руку.

Ваша Танечка Козловская.

ПИСЬМО 2-е.

Москва, 23 сентября 1928 г.

Любезная Мария Леонтьевна!

Не откажите, если можете загляните за маленькие деньги к нам какнибудь. Жена нездоровит тем, что на обе ноги появились жылы. Государственные врачи не вынают наши доверия и пользы. Придуряждо, что много заплатить не могу, так как, хотя закончил уже свою вторую ступень и поступаю в Вхутемис не имею ни службы и только ренгитирую учеников во вторую ступень, с этого жинду; и вообще плохое время для интеллигентного человека.

С совершенным почтением

Весь ваш знакомый Антоша Блиннов.

Я подняла голову и туло уставился на Ксению.

— Что скажете? — зло спросила она. — Второступенцы. Вузovsky. Сезонник мордовский куда лучше напишет. А идеология? какой! Плюнуть мало.

— Ксения! беспомощно пошаталась я успокоить ее. — Вопрос о второй ступени больной вопрос. Эти уже окончили, а в этом году лучше будет. Теперь все планы заново прорабатываются.

— Это и в прошлом году кричалось и в позапрошлом, — упорствовала подружка. — Пора в ударном порядке начинать.

— Ясно, порал — резко вырвалось у меня. Вдруг Ксения лукаво усмехнулась:

— Ну, так как же по-твоему, имела я право украсть или нет?

Думаю, что имела. Давай, Ксения, кодыдем голос.

А. Лодина

(Москва)

В ВИРЕ ЛУНЫ И ТЕХНИКИ

НОВЫЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ДАЛЬНОВИДЕНИЯ

Одним из наиболее интересных технических достижений нашего времени является передача изображений на расстоянии. Удальность этого изобретения заключается в том, что передаваемое изображение копируется световым лучом, причем изображение копируется на свои элементы с помощью вращающегося вперед или металлического диска, на котором имеется спирально изогнутый ряд отверстий различной величины. С помощью луча световой дуги образуются на фотопленке, где световая энергия превращается в электрическую. Таким образом чрезвычайно узкие световые слои, на которые разбивается все изображение, поочередно проходят через фотоматрицу,

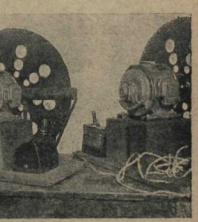
откуда уже переадресуются на стационарный приемник. Там изображение снова отображается воедино и отображается, скажем, на матовое стекло или другой соответствующий экран.

Но наряду с четкостью «глобальной» изображений достигается и в максимальной скорости передачи. Надо, чтобы все, что происходит на станции отправления, в тот же самый момент появилось и на приемный аппарат, и если это не статическое изображение, в какой-либо видимый процесс, отражалось так во всех своих фазах. Между тем, процесс прерывания световых колебаний в электоричности, наоборот до сих пор заметно отставало на скорости передачи. Истробеновый или конденсаторный процесс давал возможность немедленно получать в ответ на каждое колебание тока соответствующее колебание света, однако настолько слабое, что его почти нельзя было уловить невооруженным глазом. Задача заключалась в том, чтобы получить значительно более сильные световые колебания и во много раз повысить скорость передачи.

Немецкому изобретателю Мигали удалось построить «электрофото-

трансформатор» с помощью которого можно передавать изображение с помощью фотоэлементов. Это значит, что электрическая и тепловая дуга (минимум) тепловая дуга имеет десять изображений в секунду, то есть 10, но не более, чтобы каким-либо инструментом передается в лучестве. Это — особый принципиальный успех (привлечение работы Мигали не выходит пока что за пределы лабораторных опытов), и достигается он с помощью вращающейся лампы. Между электродами из фольги формируются электролитической атмосфере воздуха дуга. В направлении от лампы поднимается тонкая струя и ее становится жарко, со временем. В пределах начитного малых колебаний тока совершение пропороции, однако не исключается — в определенных условиях — сила освещения. Это все позволяет Мигали. Достаточно поместить невооруженным глазом перед лампы таким образом, чтобы при нормальном прохождении тока ничего не было видно, — тогда если при несколько увеличенной силе тока лампы будет гореть жарко, то свет будет проникать точно в таком

же количестве, как и прежде, и т. д. На станции приема лампа помещается полами металлического круга со спиральной линией отверстий; вперед устанавливается экран, на который принимается изображение. Разумеется, в крайних металлических кругов передатчика и приемника должно проходить стационарно. В аппарате Мигали мотор, который вращает и

движение металлический круг, регулируется с помощью простого электрического тормоза. Изображение получается координатное. На фотографии: слева — электрофототрансформатор, справа — приемник.

ТЕХНИКА

В МЕЛОЧАХ

КАК ЗАБИВАТЬ ГВОЗДИ ОДНОЙ РУКОЙ

Самое неудобное и утомительное положение при забивании гвоздей — когда приходится держать руки над головой. В частности очень трудно бывает работать при этом обеими руками. Для того, чтобы освободить одну руку, полезным приспособлением является держатель, закрепляемый между двумя металлическими шпильками, которые оттягиваются пружинами назад и возвращаются туда же в исходное положение. Держатель устроен на тыльной стороне, как раз в том месте, где расщепляется пальцы. Гвоздь, начиная засаживать,

ТОНЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Все чаще появляются на страницах нашей печати описания удивительнейших учреждений, созданных советской властью для изучения культуры индейцев и для замены системы наказания системой предупреждения преступления. В этих тюрьмах ведется культурная работа среди самих заключенных. Тяжелые кандалы, темные и сырые клоновники, куда сажают на малолетнюю провинность сна хлеб и во-

ду, и другие зверские приемы обращения с заключенными умерли вместе с царским режимом. Наполон крепкие — заключенные получают даже отпуски. На время летних работ. Тем больше резко действует на нас сообщение о великом изобретении, которое стали применять в Америке. Оно заключается в том, что вместо крепких кандалов. Это замечательное усовершенствование заключается в том, что вместо кандалов крохотные, почти незаметные «перчатки» при малейшей попытке снять их, начинают действовать в тиски, причиняя сильную боль, а иногда более сильную, — как хвастаются сообщают американские журналы, — чем прежнего типа кандалы, надетые на кисти рук.

ОХОТА С АЭРОПЛАНА

Десять долларов за убитого койота — не слишком ли дорого? Ведь это всего лишь низкорослый волк, шпанный в южноамериканских приходах. Но этот обособленный зверь — злой и опасный враг пастуха и скотовода: один убит может перевернуть около 10 — 20 голов скота, а это и больше, — вынесет корню и злится их в степи. Добывать койота можно и с воздуха, что не легко и трудным в беге. Авто- и мотоциклами в пересеченной местности не развезешь. Вот почему в пустыне владениям многолетних овецких стад, бродаших по прериям. В прериях и 10 долларам охотник получает шкуру убитого волка, которая стоит не меньшую сумму.

Соблазнившись хорошим заработком, Клайд Алл, пилот из Южной Дакоты, решил попытаться на своем самолете в компании с двумя отличными стрелками. Первая же воздушная вылазка, которая не длилась и часика, увеличилась удачей в виде двух убитых волков. Через неделю той же троицы смелые охотники стали возвращаться домой с 3 — 4 волками, так что в течение месяца количество хищников в их районе заметно уменьшилось.

Во время охоты самолет держится на высоте около 100 м. Прозрачный воздух Южной Дакоты позволяет без труда раз-

глядеть койота на расстоянии 1 км. Самое трудное — при скорости в 150 км двигаться в воздухе, приравнявшись к поведению стаи. Если вышедший самолет, когда разведываются на земле, пролетает его над собой — и мигом бросятся в прыжки. Легче приходится с мощной реактивной быстрой выбирать направление полета. Во время погони самолет держится на уровне на высоте 15 — 20 м над землей. Открыть нужно в тот самый момент, когда самолет чуть-чуть опередит волка. При этом пуля не должна упасть, нужна крупная дробь.

После каждого удачного выстрела самолет приземляется, чтобы забрать добычу — новое испытание для летчика, так как американские прерии далеко не похожи на благоустроенный аэродром. Однако майор Алл научился различать наиболее удобные места для посадки. Тогда он начал прямо забирать волков с помощью самолета в тех местах, которые представляют наиболее благоприятные условия для охоты. Таким образом за неделю стаю койотов, он не бросал на них сразу, а предвзвешивая, так как оказалось, что стоило или отдельных койотов в заранее выбранном пункте. Поднялся койот, коснулся тыльной выстрели, но и в своем роде захватывающий спорт.

КОНЫИ С КОЛЕНАТЫМ ЛЕЗВИЕМ

Такой тип коньков, у которых лезвие состоит из двух отдельных частей, среднюю часть прибинтовывают в середине передней части, стал производиться в Канаде. По имеющимся отзывам подобное устройство, не уменьшая скорости движения, заставляет конька послушно следовать за изгибом ноги и позволяет конькобежцу удерживать равновесие.

пальцы тыльной стороной, затем освобождают молоток, поворачивают его и кончат операцию обычным способом.

ИГРЫ МОЛОДЕЖИ

Под редакцией Л. БАРХАША

3711

8. Игрошки не имеют права выходить за пределы своего коридора.

9. Если за пределы своего коридора выйдет игрок нападающей партии и благодаря этому сможет поймать мяч, то мяч останется не у него, а передается тому игроку, в коридор которого он зашел.

10. Если за пределы своего коридора выйдет игрок защищающей партии и таким образом задержит мяч, то у него мяч отбирается и переходит к тому игроку, к которому он направился.

11. Если за пределы своего коридора выйдет игрок защищающей партии и не успеет задержать хода мяча, игра не приостанавливается, а продолжается. Если же такое нарушение будет сделано двумя игроками в одном порядке, то мяч больше не бросают и передают шестому игроку. Шестой номер делает штрафной бросок в корзину противника.

12. Если во время бросания мяч выйдет за линию площадки в «аут» — он переходит от нападающей партии к защищающей и к тому игроку, у чьего коридора это случилось.

13. Игрок защищающей партии имеет право сделать с мячом в руках только один шаг вперед и неограниченное количество назад. Стоять держа мяч, не разрешается — движение обязательно переходит к противнику.

14. Если мяч полетит за линию стога по вине нападающих, то он переходит к защищающим.

15. Если мяч полетит за линию стога по вине защищающих, то он переходит к шестому номеру нападающих.

16. Победителями выходят команда, испушавшая большее количество раз в корзину или кошик противника.

17. Игра проводится во время в две половины, по 25 минут каждая, с перерывом в 10 минут. После перерыва меняется командами.

Самсон ГИЗЕР

Шведские круги

Это интересная игра на льду.

Одновременно в игре могут принимать участие две команды, по 5-10 человек в каждой, как мужчины, так и женщины. Игрошки должны коронно держаться на коньках.

Инициатор для игры заключается в площадке, тыла гороховых, и двух деревянных кругах диаметром в 20 см и высотой в 5-6 см. Круги выкладываются из дерева и оббиваются. Для прочности рекомендуется сделать кожаный обод.

Площадка для игры должна быть длиной метров в 40 и шириной метров в 20-25. Площадка делится пополам веревкой, а по углам ее устраиваются из снега амы-короты. Ширина ам 50-60 см. С трех сторон вокруг амы делается валки из снега.

Правила игры

1. По жребью одна из партий имеет право выбора любой части площадки.

2. Перед началом игры каждая партия получает по одному кругу, который передается одному из крайних в команде.

3. По сигналу судьи начинается игра. Крайние на площадке команды противника. С этого момента круги входят в игру.

4. Каждая команда старается, чтобы на площадке противника одновременно оказались два круга.

5. Если один из кругов от удара заскочил в угловую яму — это увеличивает число выигранных очков.

6. Когда круг попадает в яму, игра не останавливается.

7. После игры, каждая партия старается, чтобы он не вылетел за линию площадки в «аут», иначе будет проигран.

8. Игра разделяется на две части по 15 минут каждая, с перерывом в 10 минут.

1. Если два круга одновременно окажутся на одной стороне площадки, то команда, забившая их, получает 3 очка
2. Если только один круг попадает в яму противника, то команда, забившая его, получает 6 очков.
3. Если во время нахождения одного из кругов в яме удастся забить и второй круг на площадку противника, то команда, забившая их, получает вместо 6 — 9 очков.
4. Если круг вылетает за линию площадки в «аут», прежде чем до него коснется кто-либо из игроков, забивших эту же площадку, то команда, забившая партия проигрывает 3 очка.

Мяч через противника

Это очень занимательная игра на льду или твердом снегу. Одновременно в игре могут принимать участие две команды, по шести человек в каждой. Подготовка от участника специальной не требуется. Нужно только, чтобы все игроки могли бегать на коньках (если игра проводится на льду).

Инициатор для игры заключается в мяче баскетбольного типа.

Площадка для игры — длиной в 50 метров, шириной в 18-20 метров. Площадка должна быть хорошо залита, чтобы лед не был рыхлым и уловым. На снеговой площадке должен быть тщательно убитый снег. Вся площадка делится линиями на 12 коридоров. Ширина каждого коридора — 3 метра. Линия проводится средней, разведенной в воде. Углы площадки ставятся столбы, с повешенными сетками или корзинами.

Правила игры

1. По жребью одна из команд считается «нападающей», а другая — «защищающей». Команда, считающаяся «нападающей», занимает коридоры на площадке через один коридор.

2. Расстановка игроков проводится в следующем порядке: если в коридоре один столба стоит первый номер защищающей партии, то в соседнем коридоре стоит шестой номер нападающей и наоборот.

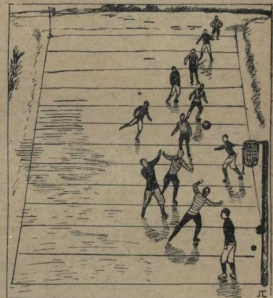
3. Мяч дается в руки первому номеру нападающей партии. Игра начинается по свистку судьи.

4. Первый номер нападающей партии старается кинуть мяч через или под игрока защищающей партии (шестой номер) — второму номеру нападающей партии.

5. Защищающий старается мяч перехватить и бросить в сетку выходящих. Как только мяч пройдет в руки игрока защищающей партии, она становится нападающей, а нападающая — защищающей.

6. Каждая команда старается провести мяч через сеть и попасть мячом в сетку.

7. Передавать мяч можно только от первого номера по второму, от второго — третьему и т. д. Через номер бросать мяч не разрешается.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ "СМЕНА"

№ 2 Январь 1929 год

Содержание: В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ — Письмо на народном празднике. В. ДМИТРИЕВ и Н. БОГДАНОВ — Александр в Александровке (повесть). В.А. РУБИНИЧ — Тяжкая масса (эссе). М. ГРЕН — Волны в устье (очерк). А. ВОЛСКИЙ — Люди и молнии. ИСТОРИЯ ОДНОГО ОБВИНЕНИЯ (по материалам расследования редакции). ПОД ОБСТРЕЛ: М. ВОРЖАН — Кавалерия вальса. А. КРОНГАУЗ — Кавалер Федя Жлоба. П. КАМЕНСКИЙ — Буревестник. А. ЛЮДИН — Девятое июля.

СТИХОТВОРЧЕСТВО. КНИЖНИК ПОЛАКА. В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ. ИГРЫ МОЛОДЕЖИ.

На-днях выйдет и рассылается подписчикам № 1 журнала "НА СУШЕ И НА МОРЕ"

(Ежемесячное приложение к "Смене")

В НАМЕРЕ:

- В.А. ОШАНОВ — Небесный камень Макумы (рассказ).
- А.А. МИХАЙЛОВ — Советские шушупалы (очерк).
  - Атака на полюсы (очерк).
- А. БЕЛЕН — Инстинкт предков (фантастик. рассказ)
- В. СЫТОВ — За тунгусским метеоритом (из дневника участника экспедиции Кунина)
- Г. Бергман — Новые путешественники (статья).
  - По Петчоре к Северному Ледовитому Океану (очерк).

Подписная плата: на 1 год — 1 р. 45 к., на 6 м. — 75 коп., на 3 м. — 40 коп. Цена номера в розничной продаже — 15 коп.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Центр, Новая площадь, дом 6, телефон 1-81-01.
 КОНТОРА: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., дом 6, телефон 5-67-03.

ГОДОВЫМ ПОДПИСЧИКАМ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.
 1. Повесть Николая Богданова "Первая девушка" (230 стр. текста). 2. Многофигурная картина (большого формата)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
 "СМЕНА" без приложения — 1 год, 6 мес. — 1 р. 05 к., 3 мес. — 55 к.
 "СМЕНА" с приложением журналом "На суше и на море": 1 год — 1 р. 45 к., 6 мес. — 1 р. 80 к., 3 мес. — 95 к.

З. Т. 487

Ответственный редактор Г. РЯБОВ